

Космос

9

СЕНТЯБРЬ

1962

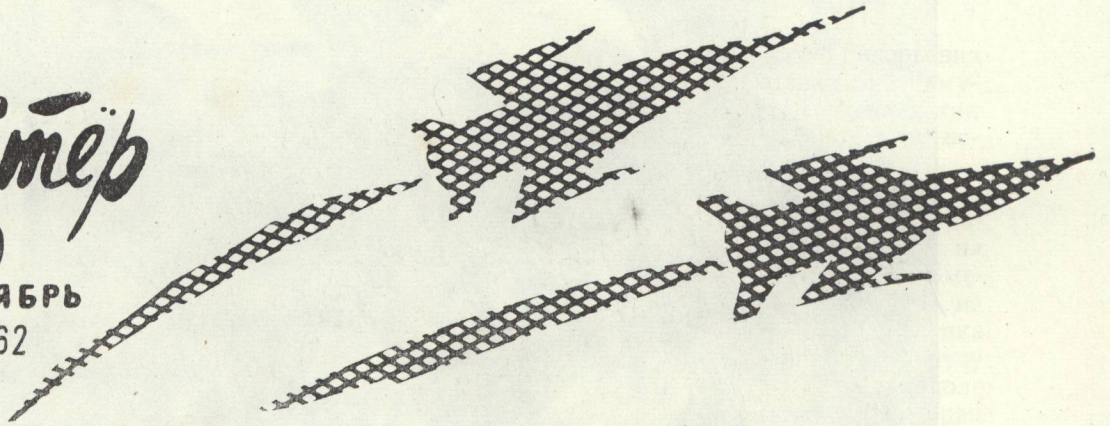

Костёр

9

СЕНТЯБРЬ

1962

ЧИТАТЕЛЯМ "КОСТРА"

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

НАДЕЕМСЯ ВСТРЕТИТЬСЯ С ВАМИ НА "ПЫЛЬНЫХ ТРОПИНКАХ ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ". ПУТЬ К НИМ ОДИН - УЧЁБА, ТРУД И БОЛЬШАЯ, ВЕРНАЯ ДРУЖБА.

*Александр
Гонимов*

23. 08. 62

Космонавты А. Г. Николаев и
Г. Р. Попович в Космосе

*Журналу
"Костёр"*

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ О МАЛЕНЬКИХ ДЕЛЕГАТАХ

(Из блокнота журналиста)

Десятого июля 1962 года на Костровой площади Артека был поднят флаг Второго Всесоюзного пионерского слета. Три тысячи ребячьих рук одним движением отдали пионерский салют.

Три тысячи голубых юбок и шортов всколыхнулись над площадью, когда встали и построились к выносу знамени делегаты. Будто море плеснуло волной на трибуны.

Три тысячи голосов одним дыханием произнесли торжественные слова: «Всегда готовы!» Могучие радиоволны подхватили и понесли их во все концы нашей страны. Повсюду услышали эти слова пионеры и откликнулись: «Всегда готовы!»

И вечером, когда делегаты сидели на трибунах и смотрели большой пионерский концерт, им показалось, будто очень тихо откуда-то донеслось эхо:

— Всегда-а-а гото-овы-ы...

Делегаты... Серьезное слово. Ответственное.

Что же они за люди — делегаты слета?

* * *

— Какие у нас пионеры, если бы вы только знали! Просто замечательные. И город у нас очень хороший. Мары называется. Слышали? Это в Туркмении. Ма-ры́. Наш город зародился еще при Багдадском халифате...

Девочки как по команде уставились на Олю Чарьеву. Мальчики несколько скептически пожали плечами, но тоже придвинулись поближе.

Сначала Оля растерялась, но недаром она была вождем городской пионерии — Оля Чарьева умела выходить из затруднительных положений.

— Честно говоря, ребята, я не очень-то много знаю про Багдадский халифат, но я расскажу вам о том, как живут наши пионеры.

Артековцы не стали возражать. Кто-то даже сказал, что было бы очень смешно слушать

сказки, когда в задачи делегата входит знакомиться с пионерской действительностью. С этим человеком спорить не стали. Просто ответили: «И сказки нужны. И действительность. Всё интересно. Говори, Оля». Оля начала рассказывать, как собирают пионеры Мары хлопок, как спорят на собраниях городского штаба, как ходят в походы, учатся шить и выращивают красивые цветы.

— Ну, а старшие... с вами считаются?

Это спросила Роза Гельманова из Ашхабада. Она мечтает стать журналисткой и любит задавать серьезные вопросы.

— Еще бы! — ответила Оля. — Вот недавно на городской олимпиаде наша школа показывала пьесу «Красный галстук». Во время спектакля вызвали из зала каких-то людей. Начался шум. Наверно, из-за шума жюри слушало невнимательно и присудило нам плохое место. Многие ребята плакали от обиды: ведь столько готовились! Мы поговорили между собой и отправились к председателю жюри. Нашу пьесу смотрели второй раз и оценили по заслугам.

* * *

Оля Чарьева замолчала. Курносый, крепкий мальчишка сказал: «А у нас...» и тут же закрыл рот.

Но было уже поздно: все повернули головы в его сторону.

— Как тебя зовут? — пришла на помощь будущая журналистка. Мальчик ответил степенно, с сильным украинским акцентом:

— Виктор Григорьевич. Ребята захохотали. А

Широкоплечий мужчина в красном галстуке стоит у знамени. Он взволнован. Он стоит у знамени, которое спас, когда был ровесником сегодняшних делегатов. Это случилось в 1943 году. За свой подвиг пионер Костя Кравчук был награжден орденом Красного знамени.

Луна не восходила в этот вечер, как будто знала: сегодня она будет лишней. В лагерях пылали пионерские костры. И у каждого костра спорили, беседовали, пели ребята.

Виктор Григорьевич нисколько не смутился и смеялся так же весело, как остальные.

Витя приехал с Ленинского сахарного завода, что на Харьковщине. Вместе с ребятами из заводского поселка он собирал кукурузу и учился в школе «озернят», которая названа так в честь знаменитого украинского кукурузовода Марка Озерного. На Украине уже полторы тысячи таких школ.

О многом рассказал Виктор Григорьевич. Но не узнали бы ребята одной очень интересной вещи, если бы не случай.

Бежала мимо пионерочка с белыми бантиками в косах и держала в руках куклу.

— Тьфу ты, с куклой в Артек приехала, — проговорил кто-то.

Девочку проводили насмешливыми взглядами. И вдруг Виктор Григорьевич говорит:

— А я очень увлекаюсь куклами. И даже сам их мастерю. Больше всего я люблю играть роль Буратино.

Витя увидел недоверчивые улыбки и сказал:

— И вам советую заняться. Дюже интересно.

* * *

Полдень. Солнце нещадно жжет и землю и людей.

У моря сидят и разговаривают два мальчика. Одного зовут Толей Лебедевым. Он приехал из узбекского города Ангрена, где добывают уголь. Другой — из Николаевска на Амуре и зовут его Юра Чайка.

Они подружились в первые же дни, хотя Юра и старше Толи на два года. На вид они очень разные, а любят

одно и то же — искусство и природу.

Толя Лебедев пишет стихи. Про пионеров. Самый любимый его писатель — Аркадий Гайдар. Толя читал стихотворение на митинге в честь открытия памятника Неизвестному матросу. Он еле-еле доставал до микрофона, но его звонкий голос отчетливо был слышен сквозь грохот моря.

А Юра Чайка больше всего любит петь. Он живет на берегу Охотского моря и говорит о себе и своих земляках: «Мы — люди суровые».

Толя просит сурового человека спеть его любимую песню. Юра встает с камня, отходит немного в сторону, так, чтоб видно было море, и поет: «Ле-ети к нам, тихий вечер...»

Идут мимо люди, а Юра, суровый человек с Охотского моря, смотрит на теплое Черное море и поет.

* * *

Ну как объяснить, что такое коконы, если люди никогда не видели тутового шелкопряда? Алла стоит и думает, как бы лучше рассказать, понятнее... Вдруг она подбегает к большому развесистому дереву:

— Вот он, тутовник! Им питается тутовый червячок.

Какая-то светловолосая девочка нагибается, поднимает с земли ягоду и кладет ее в рот.

— Вку-усно как!

Алла улыбается:

— Листья червяки едят, а ягоды — мы...

— Ничего себе работка — ягоды есть, — шутит кто-то.

— Не работка, а работа, — поправляет Алла. — Тутовый шелкопряд — капризный. Ему нужна всегда одна и та же температура, иначе шелк будет плохой.

И наверно, чтоб никто больше не смеялся, Алла сказала:

— Знаете, сколько мы вырастили коконов? Сто двадцать шесть килограмм! И только два килограмма оказались второго сорта.

Пионеры с уважением смотрят на Аллу Юсупову и трогают концы своих галстуков.

Угадай, кто я? Это нетрудно. Друг!

«Эх, ты, небо просторное,
море сине-черное...»

Лучше всех в автобусе пела Валя Дудинова — широколицая, добродушная девочка. На слет Валю послали пионеры ее родного села Преградное.

— Мы из Ставрополии. Приезжайте к нам. Милости просим, — говорила Валя и с радостью сообщала всем свой адрес.

Как называлось ее село до войны, она не знает. А Преградным его назвали не случайно. Сколько раз во время войны ни подходили фашисты к селу, взять его им не удавалось. Потому и стали называть его в народе Преградным.

— А что вы делаете у себя в Преградном?

— Что мы делаем, да? — Валя весело оглядывает красногалстучных пассажиров. — Свеклу растим — раз. Свою, гибридную кукурузу — два. Посадили сад в девять гектаров — три. Сами едим и гостей приглашаем — четыре. Для Москвы проверяем семена разных овощей — пять. Мало?

* * *

Этот очерк был написан в июле, сразу после слета. А теперь на дворе сентябрь. И те, с кем автор встречался в Артеке, уже сели за парты.

Слет сделал их богаче и лучше. У каждого появились новые друзья, интересы, мечты, замыслы хороших пионерских дел.

Слет кончился.

Слет продолжается.

В. Любицкая

Фото Ю. Королева и Б. Ритова

ПЕСНЯ СЮАЗА РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ

Слова пионера-артековца Володи Лосенкова
Музыка почетного артековца, композитора
Дмитрия Кабалевского

Решительно

mf Мелленно певуче

Где (d=d) ве-тер мо-гу - чие го-ры лас-ка - ет, где галькой шу-мит чер-но

мор-ский при-бой, там свет-лая дру-жба по-лет начи-на ет над нашей огром ной прек

(d=d) *f* Решительно

рас-ной зем-лей. Строй тесь ря-дом, гал сту - ки! Под - ни - май - те

sostenuto

Флаг! И беритесь за руки — тверже будет шаг

Ветерок полотнища вдаль с собой зовет разноцветных

галстуков союз идет! Ветерок полотнища вдаль с собой зо

вет, разноцветных галстуков союз идет!

конец для повторения

Где ветер могучие горы ласкает,
Где галькой шумит черноморский прибой,
Там светлая дружба полет начинается
Над нашей огромной, прекрасной землей.

Припев

Стройтесь рядом, галстуки!
Поднимайте флаг!
И беритесь за руки — тверже будет шаг.
Ветерок полотнища вдаль с собой зовет,
Разноцветных галстуков союз идет! } 2 раза

Цвета нашей кожи порою не схожи,
Но дружба не знает ни рас, ни цветов.
И сделать всю землю счастливой мы сможем,
Здесь каждый для друга на подвиг готов.

Припев

В союзе у нас нет военных мундиров,
Светла и спокойна над нами лазурь,
Но мы — молодые защитники мира —
Не дрогнем пред натиском огненных бурь.

Припев

СЛАВНЫЙ ЗВЕРЬ

Рассказ

Нора Аргунова

Рисунки И. Харкевича

Поезд шел пятый день, но ехать никому не надоело. Скучно было первые двое суток, потом привыкли и уже нравилась эта жизнь. свободная от домашних забот, полная новых впечатлений и случайных, необязательных знакомств, которые кончаются вместе с дорогой.

За окнами стояла осень. В том году она так разыгралась, такими спелыми, румяными, торжествующими красками залила тайгу, словно не холодов ждала, а расцветала для какого-то необыкновенно щедрого, тропического лета. «Нет, вы только гляньте! — говорили в вагонах. — Вон, вон, — так и горит! Видали?

А вот, вот — неужели это простая осина? Смотрите, видите — куст? Да что же это, господа!»

Если бы за окнами была зима или весна с ее половодьем, в котором тонут и деревушки и голые, едва оживающие леса; если бы даже лето, пышное, но однообразно зеленое, раскинулось по сторонам поезда, пассажиры не толпились бы с утра до вечера перед окнами, не было бы столько разговоров, смеха и того безотчетно радостного чувства, которое запоминается сильнее любого приключения и западает в душу на всю жизнь.

Но на шестой день утром начались и приключения.

Еще поезд только притормаживал у платформы станции Верещагино, как многие заметили на перроне старика с ружьем за спиной, державшего на веревке медвежонка. Вагоны замерли, и со всех сторон к старику побежали люди. Медвежонка окружили. Возле него сидели на корточках, гладили его, брали на

руки, кормили конфетами, а те, у кого не оказалось с собой сладостей, бежали к поезду, к вокзальному буфету и с конфетами или сахаром спешили обратно.

У медвежонка была лобастая голова, туловище с кургузым задком; голова казалась больше туловища и между ними не было никакой шеи. А глаза смотрели, как у игрушечного, — с бессмысленным оживлением. Он хватал конфеты, чавкая сосал их, ронял, суетливо разыскивал на земле или, тычась мок-

рым носом в руки, просил еще. Старик, худой, заросший, с черным дубленным лицом, потягивал вонючую самокрутку, безучастно поглядывая на суету у его ног. И только когда до отхода поезда оставалось минут пять, он объявил, что медвежонок продается.

Поднялось волнение. Каждому хотелось иметь живую игрушку, но где его держать? Ведь он скоро вырастет — куда его тогда деть? Отдать в зоопарк? Но там могут не взять — у них и своих медведей хватает. Как же быть? Так вот взять да и уехать ни с чем?

Между тем, раздался первый звонок, за ним второй, вот-вот пробьет третий, уже дежурный по станции в красной фуражке и со свистком в руке появился на платформе...

И в последнюю минуту, когда стали разбегаться по вагонам, радист поезда сунул старику деньги, схватил медвежонка и сказал тем, кто еще стоял здесь в нерешительности:

— Только молчите. Чтобы начальник не узнал.

Пряча медвежонка на груди, он бросился не к четвертому вагону, где находилось его купе с радиоузлом, а к ближайшему, проскочил через тамбур, прыгнул по другую сторону поезда и только тогда направился к себе.

Никто не понял, почему надо молчать. В вагонах часто возят собак, а такой маленький медвежонок никак не опаснее собаки, даже если по природе своей он дикий зверь.

И веселая новость мгновенно облетела поезд. Эта новость пришлась удивительно кстати, под настроение. Так вот она какая, красавица тайга! Вот каким она порадовала подарком! Теперь, когда в купе, в коридорах, в ресторане смотрели в окна, толковали больше всего про медведей. Почему-то хотелось говорить о них только хорошее и рассказывали, что это добродушный, веселый, умный зверь. Встречаясь в лесу, он сворачивает в сторону и только раненый может подняться на человека; в зоопарках нет животного забавнее его; а пассажиры постарше вспоминали, как прежде по дорогам бродили цыгане с медведем и как под бубен зверь танцевал, кланялся и с шапкой обходил толпу.

В ресторане, за одним из столиков, где тоже говорили о медведях, сидел летчик, ехавший в отпуск с Сахалина. Ему рассказали про медвежонка, и он вдруг заторопился, подозвал официантку, расплатился, не окончив завтрака, и вышел.

Миновав несколько вагонов, он постучался к радисту. Радист возился с приемником, а медвежонок сидел над дверью на вещевой полке и грустно смотрел вниз.

Летчик снял медвежонка, сел с ним на скамейку.

— О, вот ты какой! — пробормотал летчик. — Ты — бурый...

Он сильно — так, что медвежонок каждый раз приседал на задние лапы, — стал его гладить.

— О-о, — приговаривал он, — бурый! Молодец! Славный зверь. Славный ты зверь!

Потом он спросил у радиста:

— Зачем вы его купили?

Радист ответил:

— Племяш у меня — пускай балуется.

— Сколько племяннику?

— Четыре года.

Летчик сказал решительно:

— Знаете что? Я к зиме буду возвращаться на Сахалин. Пускай он побудет у вас, а тогда уступите его мне.

— А вам зачем? — спросил радист.

И летчик рассказал удивительные вещи. Оказывается, на Сахалине кое-кто держит ручных медведей. С ними ходят на охоту. Медведь — добрый зверь, он бросается на живую добычу, только обороняясь или когда изголодается, чаще всего весной. Крупные хищники избегают его, потому что он сильный, и если взять медведя с собой на охоту, под его защиту, говорил летчик, нередко ходят, навстречу охотнику, олени и дикие козы. У летчика недавно убежала медведица Машка, а достать медвежонка в тайге не так-то просто.

— Порода отличная, бурый, — продолжал летчик, поглаживая, почесывая, похлопывая медвежонка, — бурые медведи у нас самые крупные. Зверь будет дай бог. Вам он тогда ни к чему, а мне нужен. Ну, как? Решено?

— Пожалуй, — сказал радист.

— Нет, давайте договоримся наверняка.

Радист улыбнулся.

— Ну, хорошо, наверняка.

В ту же минуту, с грохотом отодвинутая уверенной хозяйской рукой, открылась дверь, и в купе вошел начальник поезда — молодой мужчина с круглым розовым лицом и с фуражкой, сбитой на затылок. Лицо у него было женственным, но непреклонным, а сдвинутая фуражка напоминала о том,

что начальник сильно занят и долго разговаривать ему некогда.

— Ага, значит, верно, — сказал начальник, едва посмотрев на медвежонка и уставясь в упор на радиста, — значит, правильно мне доложили: вы купили медведя. Как же вы его повезете?

— В каком смысле? — растерянно спросил радист.

— Дикого зверя! В купе! — сказал начальник.

Радист промолчал. Его доброе, все в веселых, с застенчивыми белобрысыми ресницами лицо выглядело смущенным.

— Позвольте, товарищ начальник, — вмешался летчик, — медведь уже мой. Спрашивайте с меня.

— Зверь находится в радиоузле, и я буду спрашивать с радиста.

— Зачем же такие формальности, — как

можно мягче сказал летчик, — я немедленно забираю его.

— А с вас я тем более спрошу, гражданин пассажир.

— Но если другие пассажиры не станут возражать?

— Здесь кто начальник? Я или вы? Я имею право вышвырнуть зверя в любую минуту и — вышвырну, попробуйте только взять его в купе.

— Вот вы как, — подступая вплотную к начальнику, сказал летчик и побледнел.

— Именно так, — бесстрашно сказал ему в лицо начальник, — что поделаешь! Мы — формалисты.

Начальник поезда сделал шаг в сторону и, обойдя летчика, вышел.

— Чтоб я зверя больше не видел, понятно вам? — из коридора кинул он радисту, и дверь захлопнулась.

Летчик опустился на скамейку. Медвежонок ткнулся ему в руки, он молча потрепал его за ухо, подставил ладонь, тот чавкая стал ее лизать. Радист, с пылающими щеками, пригнувшись к приемнику, крутил рычаги, смотрел на стрелку шкалы и тоже молчал.

— Чего вы его боитесь? — спросил летчик.

— С ним лучше не связываться, — ответил радист. И прибавил вполголоса:

— Он меня не любит. Он никого не любит.

Опять оба помолчали.

— Как же провезти медведя? — спросил летчик.

— Не знаю... Хорошо бы в багажном.

— Так я куплю билет.

— Вся и беда, что эти билеты, вроде, не везде продаются. И клетка, кажется, нужна.

— Ах, ты... — пробормотал летчик и поморщился.

Между тем, поезд летел по краю пади. Вровень с окнами пронеслись ели — особые, северные ели, костистые, рослые, с крепкими, отделенными одна от другой ветвями. Ели шагали вниз, кое-где между ними просвечивала земля, желтая от осеннего листа, потом земля уходила вглубь и уже ничего нельзя было различить. У, как темно, как жутко, какой туман клубится там, на дне! Вы только взгляните — вас невольно продерет мороз, сердце замрет, и мрачная красота этой картины надолго упадет вам в душу.

...Но летчик, всю неделю не отходивший от окон, ничего больше не хотел видеть. Он лежал у себя в купе, курил и держал перед собой какую-то книгу.

Скоро весь поезд узнал, что произошло в четвертом вагоне. История еще казалась за-

бавной, обсуждая ее, улыбались, но уже не радовались тому, что здесь находится медвежонок. Прежде радист ходил по вагонам, gostеприимно спрашивал, какие поставить пластинки, и к нему в радиоузел охотно забегали посидеть, послушать музыку. Сегодня же он показался только затем, чтобы проверить радиоточки, и вид у него был такой озабоченный, что его ни о чем не спрашивали.

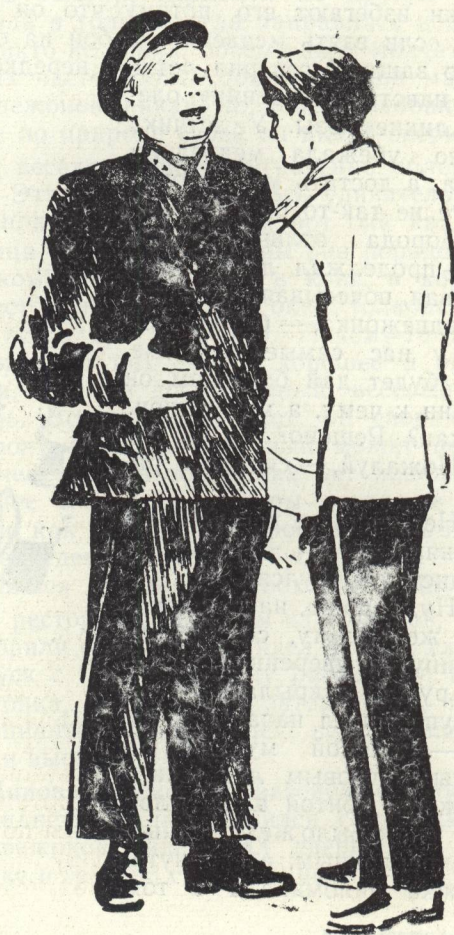
К тому же он спешил — стоило ему отлучиться, как медвежонок, если не спал, принимался скулить — он не переносил одиночества. Скулеж поднимался до воя, и было страшно, что услышит начальник поезда.

Наконец увидели, как на одной случайной стоянке начальник подошел к окну радиоузла. Проводница хотела броситься за радистом, но опоздала.

— Где радист? — крикнул начальник. — Найти его!

Испуганная проводница побежала, а он добавил ей вслед:

— Быстро! Одна нога здесь, другая — там! Подошло несколько пассажиров. В верхнюю, незадвинутую часть окна можно было

разглядеть, как медвежонок топтался по краю вещевой полки, прилаживаясь и не решаясь прыгнуть, и ныл, ныл не переставая. Начальник стоял с каменным лицом и ждал. Появился запыхавшийся радист.

— Для вас что, — сказал ему начальник, — мой приказ не закон? Чтобы до следующей станции зверя не было! Иначе учтите — приедем, подам рапорт!

— О чем рапорт-то? — угрюмо спросил радист.

— Там узнаете, о чем. Покупаете, перепродаете, махинациями занимаетесь... Я — что? Первый год работаю?

Начальник повернулся уходить... и встретился взглядом с летчиком, стоявшим тут же. Ну и взгляд! Тем, кто уловил, как эти два человека посмотрели друг на друга, стало не по себе. А десять минут спустя не было в поезде никого, кто бы еще находил всю эту историю забавной.

Перегон до очередной станции Балезино невелик, и в поезде волновались. Одним хотелось, чтобы медвежонок остался, другие твердили, что медвежонок в Балезино нужно оставить, — наплетет начальник на радиста, поди потом, доказывай... А многие сердито спорили, утверждая, что это трусость, таким, как начальник, потакать нельзя, в случае чего можно написать в жалобную книгу, собрать подписи со всего поезда.

И уже никому не было дела до того, что творилось за окнами. Люди не заметили, как вспыхнули посреди черных елей пурпурные гроздья рябины, и никому не пришло в голову, что хорошо бы поезду остановиться, хорошо бы выпрыгнуть, отломить такую кисть и, замирая от страха, бежать обратно к лязгающим, дрогнувшим вагонам... Если и высывались из окон, то лишь затем, чтобы узнать, не виднеется ли Балезино.

Наконец лес отступил от насыпи, самая насыпь сравнялась с землей, колеса застучали на стрелках. Вот и платформа. Вот и мальчишки, продающие в кулечках, свернутых из тетрадей, бруснику и рябину, женщины с горячей картошкой, вареными курами, молоком; вот старик с корзиной помидоров. Он в телогрейке и в меховой, не по сезону, ушанке.

Пассажиры высыпали из поезда, но покупателей оказалось немного. Зато у четвертого вагона собралась целая толпа. Начальник был уже в радиоузле. Его круглая голова в фуражке то появлялась в окне, то скрывалась, но голосов там не было слышно. Потом увидели, как в глубине купе он поднялся по лестнице и заглянул на вещевую полку.

И тут разнесся слух: медвежонок исчез.

Потом вдруг увидели радиста, который спокойно жевал бутерброд на перроне возле ларька. И около него стоял летчик. Летчик взял протянутую ему из ларька пачку сигарет, неторопливо вскрыл ее, достал сигарету и прикурил от зажигалки.

Его лицо с крепкими челюстями, широким загорелым лбом и неожиданным для такого лица кротким складом небольшого рта выражало рассеянность. Радист, на живой физиономии которого можно было прочесть каждую мысль, старался показать, что он интересуется только своим бутербродом. И лишь очень пристрастный наблюдатель сумел бы уловить за напускным равнодушием то общее выражение, какое бывает у двух увлеченных разговором людей. Словно молча, глядя в разные стороны, занимаясь каждый своим делом, они все-таки вели такой разговор и понимали друг друга, и радовались чему-то, и над чем-то вместе смеялись.

И оба не замечали, как из окна радиоузла, через головы толпящихся пассажиров, на них внимательно смотрит начальник поезда...

Через несколько минут, когда паровоз уже набрал скорость, стало известно, что идет групповая ревизия.

Не было в поезде человека, который не считал бы себя причастным к истории с медвежоном и не знал бы, зачем три ревизора и с ними начальник обходят вагоны и шарят в самых затаенных уголках, отодвигают чемоданы, поднимают у скамеек сиденья. Прямо ничего не говорили, но насмешливые взгляды

и вопросы были неприятны даже привыкшим ко всему ревизорам. И потому комиссии приходилось держаться с особой молчаливой важностью.

Наконец подошли к купе, в котором ехал летчик. Перед тем как войти, начальник поезда шепнул что-то на ухо старшему ревизору, и вот ревизор — крупный мужчина с грозными черными усами, как нельзя лучше олицетворяющий собой всемогущую власть, встал в дверях.

Летчик лежал и читал. Увидев ревизора, он лениво приподнялся и сел.

— Извините, товарищ майор. Мы проверяем багажные места, — сказал ревизор, — разрешите осмотреть под вами багажное место.

— Там у меня маленький чемодан, можете не утруждать себя.

— А наверху?

— Наверху ничего моего нет.

Начальник поезда протиснулся из коридора в купе.

— Нет уж, прошу прощения, — вмешался он и в нетерпении еще дальше сдвинул на затылок свою фуражку, — ревизионная комиссия имеет право...

— Ах ты, господи, — проговорил летчик, — ну, ладно. Медвежонок здесь.

Он хлопнул рукой по скамейке, на которой сидел, и посмотрел на ликующее лицо начальника поезда.

— Что же, штраф? — спросил летчик.

— Никаких! — воскликнул начальник. — Я так и знал! Ну, хороше же, — радостно сказал он, — попляшет у меня кое-кто...

Летчик стремительно поднялся и грудь с грудью придвинулся к начальнику поезда.

— Я в Москве не пожалею времени, — медленно выговаривая слова, произнес летчик, — я пойду в ваше управление...

Начальник, слегка отстранившись, спросил иронически:

— И вы там доложите, что я что? Исправно служу?

— Что вы чиновник! — с бешенством сказал летчик, — что таких чиновников...

В эту минуту в вагоне посветлело, и все оглянулись. В окна ударило каким-то блеском, и перед поездом встала березовая роща. Не молодая поросль, розовые слабые деревца, а мощный лес, круто взмывший у самого пути. Один за другим проскакивали в окне стволы, такие сияющие, что, казалось, чистый перезвон ворвался и наполнил вагон вместе с диким запахом влажного осеннего леса. Вот

роща отодвинулась, на поляне осталась одна береза. Поезд огибал поляну, и дерево с могучим стволом, золотыми, широко раскинутыми ветвями, показывалось то под синим небом, то под черной грозовой тучей и то красовалось победно, облитое солнцем, то являлось бледным, призрачным, отцветающим...

Но ни пассажиры, столпившиеся в дверях купе, ни летчик, который стоял теперь в коридоре у окна, — никто не интересовался больше прекрасной картиной. Вытянув шею, пассажиры и ревизоры наблюдали за начальником. Он быстро скатал постель летчика, откинул сиденье скамейки...

На дне багажного ящика одиноко лежал маленький желтый чемоданчик. Такой маленький, что в нем едва могли уместиться штатский костюм, пара белья и зубная щетка...

До Москвы оставалось немного, и люди с нетерпением ждали, когда, наконец, окончится этот невозможно длинный путь. Надоела пыль, надоели ресторанные обеды, глаза бы не глядели на рощи, перелески, овраги, рощи, перелески, овраги... Теперь стали замечать, что проводники вечно запаздывают с чаем, что купе как следует убирают только перед большими станциями, а радист ставит одну и ту же пластинку. И с досадой вспоминали, как струсил радист, а летчик, казалось бы, такой решительный мужчина, спасовал перед этим бюрократором, начальником поезда, и как исчез медвежонок.

И только немногие посвященные обратили внимание на двух проводников из почтового вагона — того единственного вагона, куда нет доступа ни начальнику поезда, ни дорожным ревизорам. Раньше этих парней не было видно, теперь чуть не на каждой станции они выскакивали и проносили по платформе то конфеты в кулечке, то молоко в банке. А в одном месте, увидев женщину, продающую мед, бросились к ней, и, оживленно переговариваясь, побежали со стаканом меда к своему вагону.

* * *

Хороша охота на Сахалине! Особенно хороша, если есть у тебя ручной медведь. Идешь по тайге, стараясь по привычке не хрустеть валежником, а рядом, заглядывая в лицо хозяину, нюхая воздух, сопя, фыркая, ломая кусты валит огромный, лобастый бурый.

Спокойней ты, зверюга! Ничего тайга, а? Обрадовался, что в тайгу? Ах, ты! Молодец! Славный зверь! Славный ты зверь!

СЕГОДНЯ В КЛУБЕ

КЮК СПОРИТ ВЫСТАВКА ДЕТСКИХ РИСУНКОВ ВКЛЮЧАЕМ «ЗОВ» НАШЕ БЮРО ОБЪЯВЛЕНИЙ ПИСЬМА ОТОВСЮДУ

Дежурный по клубу —
художник М. Беломлинский

никто бы не ушел с урока домашнего хозяйства...

ТАМАРА ПРИНЦЕВА: — Я думаю, что вторая группа виновата. Как же можно не поделиться — ведь они друзья, товарищи!

ГРИША БРАВЫЙ: — Первая группа — просто лентяи. И нечего их баловать.

Мы переглянулись и тихонько спрашиваем у соседей:

литься. В дружном коллективе все должны поддерживать друг друга.

Мы опять соседей спрашиваем:

— А кто на кого сердится?

Соседи отвечают:
— Надина подруга на Надю сердится. Надя в одной группе, а подруга в другой... Ясно. Слушаем дальше.

ЛЕНА КОРНЕЕВА: — Почему Надина подруга ходит и дуется? Сама виновата, а сердится.

ВОЛОДЯ ЕЛИЗАРОВ: — Правильно, что сердится. Нечего с жадинами разговаривать.

САША ХОДИН: — Подруга не должна сердиться на Надю. Может быть, Надя поделилась бы с ней, если бы учительница разрешила...

Вышли мы из комнаты Споров — аж головы трещат. Один спрашивает:

- Ты за кого?
- Я за жадин.
- А ты за кого?
- Я за лентяев.

А третий из нас, самый умный, говорит вдруг:

— А я ни за кого. За кого мне тут быть? Не за кого!

КЮК спорит

Из комнаты Споров доносился гул голосов. Подошли мы ближе. Видим — объявление.

Почему она на меня сердится?

а вы — за какую группу?

Обсуждаем письмо Нади Кестерекко

СМОТРИ «КОСТЁР» № 8

ВСЁ НА ДИСПУТ!

Интересно. Надо послушать. Входим. Ребят — полная комната! С трудом свободные стулья нашли. Сели и давай скорее записывать.

ТАНЯ БАЛАШОВА: — Правильно сделала первая группа, что ушла. Продуктов им не дали, правда? Как же они станут варить?

ВАЛЯ ЕМЕЛЬЯНОВА: — Я за вторую группу. Она купила все продукты, а первая поленилась. Учительница совершенно права, что не разрешила делиться.

ТАНЯ КОРНЕЕВА: — Учительница была неправа. Если бы она разрешила поделить продукты,

— А вы за кого?

Соседи отвечают загадочно:

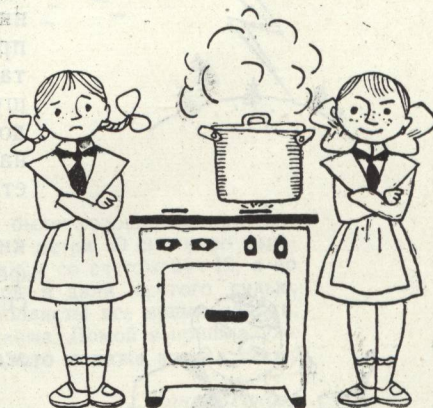
— Кто за кого... Кто за жадин, кто за лентяев...

Сидим. Дальше слушаем.

ЛЕНЯ НИКОНОВ и МИША ЦЫПКИН (в один голос): — Мы думаем, во всем виновата первая группа. Безвыходных положений не бывает. Если бы они захотели, то достали бы все продукты.

ЛЮБА КИРИЛЛОВА: — А по-моему, вторая группа неправа. Почему не поделить? Это же не всё отдать!

ТАНЯ ПИОТРОВСКАЯ: — Зря учительница не разрешила поде-

Чтоб ответить на вопросы наших читателей, редакции пришлось обратиться за помощью к электронной счетной машине «ЗОВ». Это название расшифровывается так: ЗНАЮ ОБО ВСЕМ.

Сегодня «ЗОВ» дает свои первые ответы. Это очень умная машина, но у нее есть один недостаток: «ЗОВ» плохо различает письменные буквы, особенно если они написаны неразборчивым почерком. Поэтому работникам редакции приходится по очереди читать вопросы вслух.

Мы прочитали «ЗОВу» письмо Валерика Чернова из деревни Малое Окунёво Курганской области. Валерик спрашивает:

*Каков вес земного шара?
Бывает ли молния без грома?
Производит ли стоячая вода шум?*

«ЗОВ» немедленно дал ответ:

1. Масса Земли —
3 976 000 000 000 000 000 000 000 000 грамм
3 976 000 000 000 000 000 000 000 000 килограмм
3 976 000 000 000 000 000 000 000 000 центнеров.

2. Молния — искровой электрический разряд в атмосфере. Она возникает между двумя облаками или между облаком и землей. Внутри молнии создается очень высокая температура, и воздух вокруг расширяется. Как только молния прекращается — воздух быстро охлаждается и сжимается. От этого расширения и сжатия воздуха и рождаются звуковые волны, которые называют громом. Может ли молния быть беззвучной? Только при одном условии: если она будет холодной. Холодных же молний не бывает.

На третий вопрос машина ничего не ответила. Бесшумно приоткрылась шторка и на металлической сетке так же бесшумно появился стакан с водой... Что хотел этим сказать наш мудрый «ЗОВ»? Кто знает...

Валерий Майер, Шура Фокин и Коля Меньшинин из форта Харьяга Коми АССР спрашивают:

Какая звездная система ближе всего к солнечной?

Как движется ракета в межпланетном пространстве?

На этот вопрос «ЗОВ» тоже ответил без задержки:

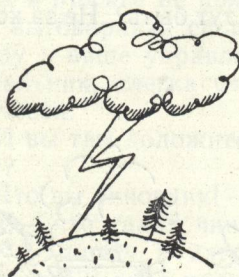
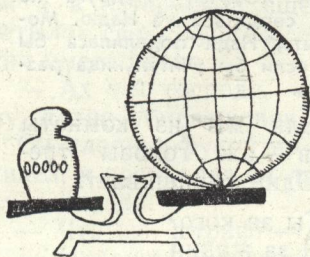

Ближайшая к Солнцу звезда — Проксима Центавра. Ее расстояние от Земли в 271 000 раз больше расстояния от Земли до Солнца. Напоминаю: среднее расстояние от Земли до Солнца 149 500 000 км.

От Лиды Зарудневой из совхоза «Степной» Сарпинского района КАССР мы получили всего один вопрос:

Может ли человек-гипнотизер загипнотизировать бешеную собаку, приготовившуюся к прыжку на гипнотизера?

Мы прочли вопрос «ЗОВу» и спросили, что должен при этом гипнотизер делать. Ответ пришел графический. Помещаем его ниже.

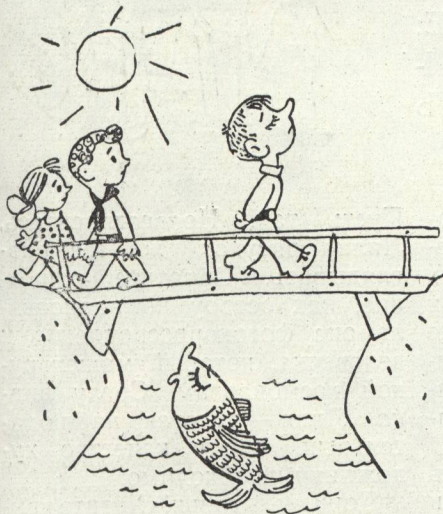
С. Электронный приветочный "ЗОВ"

НАША ЧАСТУШКА

Здравствуй, КЮК! Мы с ребятами сочинили частушку. Вот она:

Под мостом гуляет рыба,
Плавниками шевелит,
Коля «здравствуй» и «спасибо»
Никогда не говорит!

Тамара Панфилова
г. Сучан Приморского края

Я живу на Сахалине

Наш город лежит в сопках. Летом сопки зеленые и очень красивые. На сопках растет бамбук. Его так много, что трудно ходить. Мы собираем на сопках грибы и ягоды. А еще у нас есть река, длинная и глубокая. Берега ее заросли ивняком.

Галя Гаврюшова
Горнозаводск

Стихи о Ленине

Дорогой КЮК! Я учусь в третьем классе. Я написал стихотворение о Ленине.

Ленин любил детей
Честных и добродушных,
Но не любил он детей
Жадных и непослушных.
Ленин видел вперед
На много десятилетий,
И Ленин очень хотел,
Чтоб были счастливы дети.

Виталий Сторонов
Ленинград

В гостях у ненцев

Летом мы с папой ездили на катере «Композитка» к ненцам на пески. Пески — это много чумов, вроде деревни. Там живут ненцы и ловят рыбу. Когда мы ехали по Тазовской губе, катер сел на мель. Нас увидели с ненецкого песка только через день и приехали за нами на подчалке. Это такое речное судно. Потом на песке мы с ребятами копали червей для рыбалки. Я поймал много рыбы. На песке мне очень понравилось. Обрато мы ехали на доре — морском судне.

Валерий Шаркеев
с. Тазовское Тюменской области

24:12

У нас недавно было спартакиада. В этот день у меня было хорошее настроение. Я пробежала сто метров за 16 секунд, прыгнула в длину на 3 метра 60 см., ядро толкнула на 7 метров 40 см. В баскетбол мы выиграли первый тайм со счетом 24:12, а во втором тайме проиграли, потому что была замена игроков и дали другого судью, а потом еще полили площадку водой, так что наши баскетболисты все время падали.

Ну, а про волейбол и говорить нечего! Проиграли оба тайма. Домой я пришла уже вечером, очень усталая, но мне было все равно так весело, что я даже запела песню «Далеко за кормой» из кинофильма «ЧП».

Дина Исакова
ст. Даховская Краснодарского края

НАШЕ БЮРО ОБЪЯВЛЕНИЙ

Корреспонденты КЮКа из села Жигайловка Тростянецкого района Сумской области сообщают:

«У нас в шестом-б классе мальчики обижают девочек. Особенно Денисенко Владимир. Он бьет всех девочек без разбору. Ему снижали поведение, но ничего не поспособляет. Как перевоспитать Владимира, мы не знаем...»

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОМОГИТЕ:
НАПИШИТЕ ВЛАДИМИРУ ДЕНИСЕНКО — МОЖЕТ БЫТЬ, ОН ХОТЬ
ВАС ПОСЛУШАЕТ.**

РИСУНКИ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Многие ребята присылают в редакцию свои рисунки. Сегодня мы воспроизводим некоторые из них.

Почти все авторы — наши постоянные корреспонденты. Например, Саша Ковтуненко переписывается с редакцией уже два года. Саша обычно рисует корабли, самолеты, танки, пушки... Однажды мы посоветовали ему нарисовать что-нибудь с натуры — скажем, улицу, на которой он живет. Так появился рисунок, который вы видите на вклейке.

Почти каждый месяц из далекой Киргизии приходят в редакцию толстые пакеты с яркими, своеобразными рисунками девятиклассницы Тани Рыбалко. Один из них мы показываем сегодня вам. Этот рисунок появился не случайно. Когда Таня была маленькой, религиозные родственники заставляли ее ходить в церковь и отбивать поклоны перед иконами. Таня сопротивлялась, боролась, как умела, и в конце концов победила.

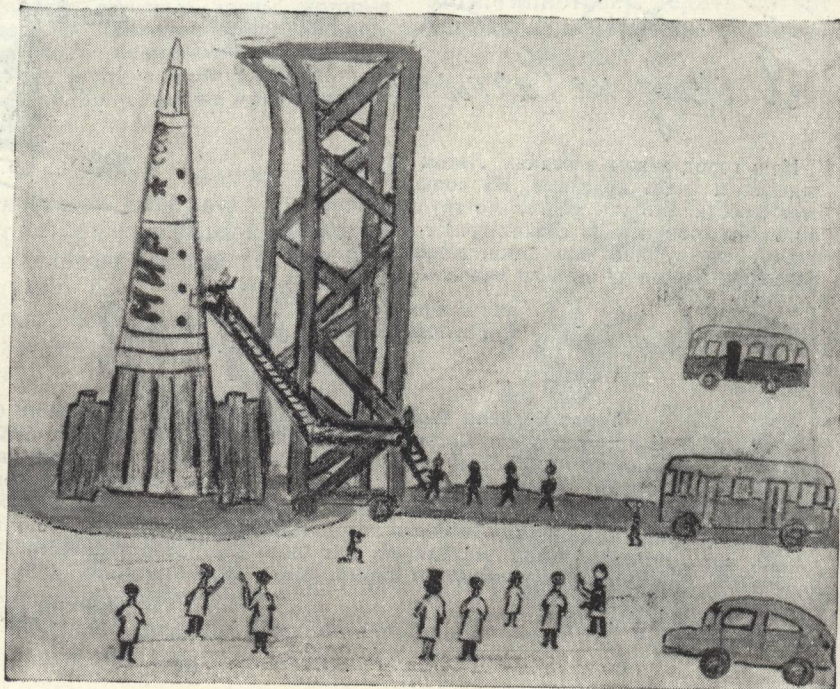
С Алицией Радзишевской и ее подругами из польского го

рода Держонев мы тоже знакомы давно. Польские харцеры часто пишут нам о своих походах в горы, праздниках и пионерских делах. А недавно прислали целую кипу рисунков. Алиции повезло: ее рисунок попал на нашу выставку.

Наверно, не один читатель придерется к рисунку Лили Хакимовой. Дескать, ракета непохожа, я лучше смогу...

Пусть так. Но согласитесь, Лилин рисунок хочется разглядывать. Обратите внимание, как остроумно нарисовала она фотокорреспондента и человечка, который машет рукой космонавтам. Сразу видно, Лилия — человек наблюдательный. А это качество художнику необходимо.

Дорогие друзья! Хотите увидеть новую выставку? Присылайте в КЮК свои рисунки!

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ

НА МОЕЙ УЛИЦЕ

Саша Ковтуненко. Камень-на-Оби

НЕ БУДУ МОЛИТЬСЯ!

Таня Рыбалко.
Киргизия

В ДЕРЕВНЕ

Алиция Радзишевская.
Польша

НАГРАДА

Сергей Алексеев

Рисунки П. Луганского

Из рассказов об Отечественной войне 1812 года

Много прославленных имен среди командиров партизанских отрядов: офицер Сеславин, простой крестьянин Герасим Курин, рядовой гусар Федор Потапов — по кличке Самусь, сельский староста Стулов, солдат Еременко, отставной майор Емельянов — в прошлом крепостной крестьянин, ветеран Суворовских войн, произведенный за геройство Суворовым в офицеры.

Как-то в какую-то итальянскую часть приехал из штаба Наполеона посыльный. Тут-то и зашел разговор об одном русском герое, о молодом штабс-капитане артиллерии Александре Самойловиче Фигнере.

Лихость в Фигнере потрясающая. Он и в бою всегда впереди, и в походах не знает усталости, и на расправу с врагом жестокий, он и в разведку без страха ходит.

Фигнер даже в Москву к французам ходил, переодевшись, правда, крестьянином.

Много зла причинил Фигнер со своим партизанским отрядом французам. Слух об отважном штабс-капитане даже дошел до Наполеона. За поимку Фигнера император назначил большую сумму.

Приехавший к итальянцам из наполеоновского штаба офицер привез особую весть — где-то здесь, в местных лесах, скрывается Фигнер.

Заволновались итальянцы. И страшно, и вот бы прославиться, взяты и пойманы злодея. Вот бы сюрприз императору. К тому же... награда.

— Поймаем его! — кричат итальянцы. — В наших жилах римская кровь!

Собрались одни офицеры. Рядовых с собою не брали. Не хотели делить славы и богатства.

Подумал посыльный. И тоже решил поехать. Интересно, что из того получится. А вдруг...

Тронулись итальянцы. Рыщут они по соседнему лесу. Нет, не видно партизанских примет. Направляются в лес, что подальше. И там все спокойно и тихо. Едут верст за десять в крутые балки. И там неудача.

Не хочется им возвращаться с пустыми руками. Да день на исходе. К тому же устали. И есть хочется. И дорога домой неблизкая.

— Да, пора бы домой, — говорит и наполеоновский посыльный. Да только в эту минуту что-то, как назло, за язык его дернуло:

— А не там ли они, вон за полем в дубовой роще?

И офицеры о том подумали. Решили:

— Ну ладно, последний заход.

Дотащились они до дубовой рощи. И правда — вот он, свежий след от лошадиных копыт.

Поднялся дух в итальянцах.

— В наших жилах римская кровь! Вперед!

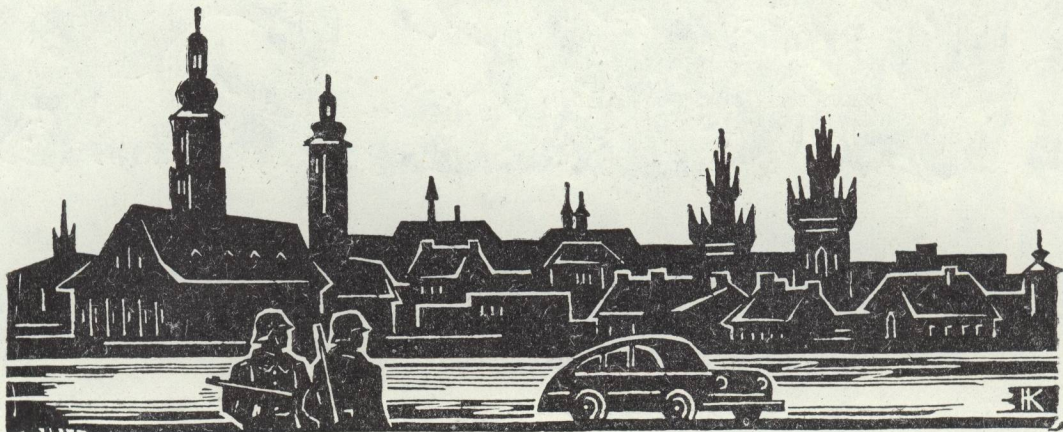
Втянулись они своей офицерской колонной в лес. Только задний покинул поле, и вдруг слева и справа налетели на них партизаны. Крики, свист, стрельба.

Туда итальянцы, сюда, да где там — они в окружении.

Согнали партизаны плененных в кучу. Стоят они, по-итальянски носы повесили. А где же тот, наполеоновский посыльный — глазами француза ищут.

Смотрят, стоит в первом ряду партизан, рукой им приветливо машет.

— Приветствую вас, господа офицеры. Будем знакомы — штабс-капитан Александр Самойлович Фигнер.

В конце прошлого года в Праге вышла книга воспоминаний о Юлиусе Фучике. Эту книгу написала коммунистка Густа Фучикова, жена героя, верный его соратник по подполью. «Дружком боевым» называл Густу Фучик в своем «Репортаже с петлей на шее».

Недавно Густа Фучикова побывала в Ленинграде. Она встретилась с пионерами. С волнением слушали ребята рассказ о том, как Густу арестовало гестапо, как в фашистском застенке, на очной ставке встретилась она со своим Юлеком...

Прочтите отрывок из книги Густы Фучиковой! Он называется

МЫ НЕ ЗНАКОМЫ

Густа Фучикова

Гравюры Н. Кузнецова

Домой я вернулась поздно. Уснула уже глубокой ночью, и тут мне померещилось, что кто-то звонит у наших дверей. Я еще не проснулась, а сердце уже бешено колотилось. Мне так хотелось убедить его, что это только сон, успокоить, но когда я все-таки открыла глаза, отчетливый, резкий звонок окончательно вернул меня в реальный мир.

Первой моей мыслью было, что гестапо ищет Юлека. Я встала и сделала несколько шагов по неосвященной комнате. Не открою! Снова улеглась, закрывшись с головой, чтобы не слышать этого пронзительного непрерывного звона. Какое счастье, что Юлека здесь нет! Как хорошо, что я не взяла к себе ночевать Божку Порову! Нет ли в квартире чего-нибудь запрещенного? Я мысленно просмо-

трела ряды стоящих в шкафах книг: почти все — социалистическая литература. Между книгами — оттиск апрельского «Руде право» и экземпляр подпольного издания «Истории ВКП(б)», но их не так-то скоро найдут.

А звонок все звонил и звонил. Я снова встала, задернула штору затемнения, зажгла лампу и отыскала «Руде право». Сразу и не сообразишь, куда деть газету. Спустить в уборную, но те за дверью могут услышать... Сжечь? Но где, когда у нас центральное отопление! Снова погасив свет и отдернув штору, я отворила окно, вылезла на карниз и бросила газету. Она легко закружилась, но лететь почему-то не хотела и тихонько зашуршала в водосточном желобе. Напрасно я делала попытки нашупать ее — рука не доставала.

Я огляделась — была темная ночь. И вдруг на один миг мне пришло в голову: а не лучший ли выход — броситься сейчас вниз, в эту шестэтажную глубину — и всему конец! Но ведь они как раз этого и хотят, чтобы мы разбивали головы о тротуары. Нет, этой радости я им не доставлю! И я слезла с карниза. Сердце стучало гулко, как набат. Главное — они не найдут здесь Юлека.

Я ходила из угла в угол по неосвещенной комнате. Как будто успокаивая меня, под ногой поскрипывал паркет. Не отопру! Может, все-таки звонки смолкнут. Может, они когда-нибудь уйдут. И снова задернув затемнение, я включила свет, осмотрела нашу комнату, книги вдоль всех стен, письменный стол, за которым так любил работать Юлек, радио, доносившее к нам голос Москва. Они, конечно, будут спрашивать, где Юлек. Скажу, что не знаю, что в последний раз видела его весной 1940 года. И потом — раз они пришли сюда, значит, Юлека не схватили. Это меня немного успокоило.

Вдруг мне почудилось, что в замке поворачивается ключ и дверь начинает отворяться. Ноги сами понесли меня в переднюю. И я отворила им. В квартиру вломилась двое разъяренных гестаповцев, третий в этот момент выходил из лифта.

— Почему не открываете? — заорал один из них по-чешски.

— Я не слыхала.

— Рассказывайте! Мы звоним тут целый час!

— Я спала. Кто вы такие?

— Не ваше дело!

И уже распахивали в передней шкафы, уже шарили среди одежды, срывали с плечиков платья, с треском раскрыли дверцу чулана и тут же захлопнули, обнаружив там вместо провизии книги. Затем принялись в комнате за книжные шкафы: одну за другой брали с полок книги и швыряли на пол. Те самые книги, которые мы часто покупали на последние гроши, книги, которые Юлек с такой любовью расставлял по полкам, где у каждой было свое строго определенное место, книги, которые были ему так дороги и с которыми ему особенно трудно было расстаться, когда по улицам Праги походным маршем проществовали немецко-фашистские полчища.

— Где ваш муж?

Каждое слово цежу медленно, как будто даже безучастно, и для убедительности еще пожимаю плечами. Пусть понимают, как хотят. Пускай решат, что я о нем и думать перестала. А сердце стучит невероятно громко!

Они вытащили из письменного стола все

ящички, разбросали по столу их содержимое. Один из них наткнулся на какой-то ключок бумаги и стал внимательно его разглядывать.

— Что это? — он помахал бумажкой перед моим носом и поднес к самым глазам. Я взглянула. Да это же арабская азбука! Кто-то давным-давно написал мне ее, и я уже успела забыть, что бумажка лежит в ящичке.

— Это арабская азбука.

— Не врете! Это шифр! Что это за шифр? Где ваш муж?

— Это арабская азбука. Не верите — можете справиться у специалистов.

— Рассказывайте! Скажете вы, наконец, где ваш муж?

— Не знаю. Я его не видела.

(Позже во дворце Петчека, в Четырехсотке, Юлек шепнул мне, что его несколько раз спрашивали про какую-то бумажку со странными закорючками, якобы найденную в нашей квартире. Ему тоже твердили, что это шифр. Когда я рассказала Юлеку, что и меня об этом спрашивали и что на самом деле это арабская азбука, мы оба не могли удержать улыбки: как все-таки умны гестаповцы!)

Обыск продолжался, и один из гестаповцев, стоя спиной ко мне и осматривая радиоприемник, снова орал: «Где ваш муж?»

А я чувствовала себя самым счастливым на земле человеком: спрашивают — значит, Юлек не у них. Откуда мне было знать, что его уже несколько часов мучают в гестапо.

— Не знаю. Я его не видела, — повторяла я механически.

— Собирайтесь, пойдете с нами!

Из перерытых и разбросанных вещей я выбрала синюю юбку со складками, которую мне подарил Юлек, синий вязаный жакет и пальто. Один из гестаповцев, увидев, что я собираюсь все это надеть на себя, буркнул: «Не берите так много, через час вернетесь». (Этот час растянулся на три долгих года!)

Что может сейчас делать Юлек? Очевидно, спит. Ведь уже два часа ночи. Если бы он знал, что сейчас происходит в нашей квартире!

Они нашли несколько пачек сигарет.

— Откуда у вас сигареты?

— Достала.

Гестаповец без стеснения сунул сигареты себе в карман. Я получила их от товарища Рогана для Юлека. Жаль, что не смогу теперь передать ему. Только бы он сейчас был в безопасности!

Меня увели. Уходя, сами погасили свет в комнатах, в ванной, в передней. Я заперла дверь и положила ключи в сумочку. Один из моих провожатых налепил на дверь какую-то

бумажку и, оттолкнув меня, когда я захотела прочесть, что там написано, властно приказал: «Идите!»

Вчетвером мы спустились по лестнице. Дом спал. На безлюдной улице нас ожидала машина. Ни звука шагов, ни голоса... как будто все вокруг заколдовано. Гестаповец молча втолкнул меня в авто. Двое уселись впереди, третий рядом со мной. Поехали. Мне показалось, что мы почему-то едем слишком долго, вероятно, на другой конец Праги, а может быть — и за город. И всю дорогу они приставали ко мне с вопросом: где мой муж? Не знаю. Я его не видела. А правда, где сейчас Юлек? У Рыбаржа, у Елинека или у Бакса? Но с ним ничего не должно случиться. Я о нем абсолютно ничего не знаю.

Вдруг машина затормозила и остановилась. Кто-то снаружи распахнул дверцы, и мы вышли. Я стояла перед высоким каменным зданием, мимо которого чехи ходили теперь молча, глядя в землю. Это был дворец Петчека, бывший банк, ныне — резиденция гестапо.

Гестаповцы окружили меня, за рукава втащили в дом и поволокли вверх по лестнице. В полумраке, напоминающем о преддверии ада, сновали эсэсовцы. Некоторые стояли на площадках, и у ног их примостились огромные, сильные псы. Ковры скрадывали звук шагов. Казалось, что у каждого эсэсовца и у каждого пса, мимо которых меня тащили, какие-то ржаво-рыжие глаза, а взгляды их, как отравленные иглы, вонзаются в мое тело.

Меня подняли в лифте на один из верхних этажей и, втолкнув в комнату, совершенно утонувшую в папиросном дыму, указали место на второй скамье. Здесь тоже стояла напряженная, тяжелая тишина, лишь изредка прерываемая резким, грубым криком эсэсовца или гестаповца в штатском.

Рядом со мной и на скамье впереди сидели люди, а когда я незаметно чуть повернула голову, то увидела, что люди сидят и сзади меня, и возле нескольких столов, и возле стены с затемненным окном, и у стены впереди. Сквозь табачный дым в комнате выступал лишь один предмет — желтый канцелярский шкаф со спущенной деревянной шторой. Пол был выложен светлыми плитками. Лица людей тоже показались мне как-то странно, удивительно загримированными: одни — бледные, как стена, другие — желтые лимона, третьи с резкими черными кругами вокруг глаз, четвертые — карминово-красные. Тогда я еще не знала, что помещение, в котором я нахожусь, названное заключенными Четырехсоткой, — нечто вроде «зала ожидания», куда гестаповцы заходят, чтобы вызвать то одного, то дру-

гого в канцелярию, на допрос, на мучения и пытки, а затем привести назад. И заключенный будет ждать, когда его возьмут в работу другие гестаповцы. А надзиратели при этом строго следят, чтобы никто не шевельнулся, не повернул головы, не разомкнул рта.

Я осмотрелась, и в первые минуты мне показалось, что я не вижу ни одного знакомого лица. Это немного успокоило меня, но полной уверенности еще не было. И опять осторожно, чтобы не привлечь к себе внимания стражи, одного за другим я стала осматривать сначала тех, кто сидел передо мной, потом сидящих рядом и наконец сзади, наискось — всех, кого могла разглядеть, не поворачивая головы. И снова — ни одного знакомого. Но вдруг в поле зрения попало лицо мужчины, сидящего сзади, несколько правее меня: изуродованное страшными кровоподтеками под обоими глазами, оно все же показалось мне очень знакомым. Похоже, что это товарищ Елинек. Глупости — успокаивала я себя. Вовсе это не товарищ Елинек! Скоро ты в каждом заключенном начнешь признавать своих знакомых! На секунду я прикрыла глаза, потом снова открыла и украдкой скосила вправо. Наваждение не исчезло, и я с ужасом убедилась, что это и правда товарищ Елинек. Где его схватили? Из-за чего? Может, без всякой связи с Юлеком? Глаза Елинека встретились с моим глазом (второго он не мог видеть — я сидела к нему в профиль), он еле приметно качнул головой: мы не знакомы! Неуловимое движение, словно ветерок тронул венчик цветка, его может заметить лишь глаз заключенного. Я ответила точно таким же, почти воображаемым движением головы: мы не знакомы! Ну, конечно же, не в связи с Юлеком — все больше волнуясь, убеждала себя я.

Справа от меня шел короткий узкий проход к дверям. Неожиданно густая, спертая тишина была нарушена. Кто-то резко, со стуком повернул ручку двери, и створки ее разлетелись. Поневоле я чуть повернула голову: в комнату входила женщина, грубо подталкиваемая сзади гестаповцем. Да это же пани Елинкова! Темные тени под глазами, неестественно, огненно пылающие щеки, волосы цвета воронова крыла, всегда так аккуратно уложенные, торчат в разные стороны. Пани Елинкова едва волочила ноги. Я смотрела прямо на нее, очень пристально. Ее глаза не выражали ни страха, ни скорби и только странно горели, как будто в них полыхали отблески пламени. Обе, как сговорившись, мы сделали неприметное движение головой: мы не знакомы! Она опустилась на скамью медленно, как женщина, которая больше всего опасается измять юбку. Но

ясно было, что причина здесь иная: ее избили. Я отвела от нее взгляд и уже по-иному, гораздо внимательней стала осматривать сидящих слева. Вот и еще один знакомый: брат Елиниковой, Павлик, паренек лет восемнадцати. Я сделала ему тот же знак глазами, и он ответил мне: мы не знакомы! Ты-то здесь почему, мальчик? Совершенно ничего не понимаю. Он жил у Елинеков, и я изредка видела его, когда приходила к ним на свидание с Юлеком. Этот паренек всегда куда-то незаметно исчезал, как вспорхнувшая с ветки птица. Я даже не знаю, где он спал, когда однажды я осталась у Елинеков до утра.

Напрасно я пыталась представить себе, какая зависимость может быть между Елинеками и мной. Они ведь даже не знали, где я живу. И никогда не показывали мне и намеком, что знают, кто я такая и кто такой Юлек.

Снова с треском распахнулись двери: гестаповцы ввели еще одну мою знакомую, товарища Риву Фридову и ее мужа. Оба шли медленно, еле передвигая ногами. Гестаповец толкнул Риву на скамью рядом со мной. Она осторожно села и сразу же чуть склонила ко мне голову. И мы одновременно, почти неразлично, как вздох, шепнули: мы не знакомы! Едва она села, как пришел другой гестаповец и снова увел ее.

Каждую минуту, словно от резкого порыва ветра, распахивались двери, и гестаповцы вводили новых заключенных. Кровь просачивалась сквозь их одежду, оставляла следы на скамьях, на полу, на стенах.

Голова моя разламывалась от напрасных попыток разобраться, почему тут Елинеки, почему Фриды и какая зависимость между ними

и мною, как вдруг двери снова распахнулись и я увидела — Юлека! За ним, подгоняя его дубинкой, шел долговязый гестаповец с бледным, тощим, как у скелета, лицом. Босые ноги Юлека оставляли на светлом кафеле кровавые отпечатки, кровоточил нос, рот, кровоточило все лицо. Гестаповец поставил его в стороне от всех заключенных, в углу, и велел повернуться лицом к стене. Но Юлек как будто не чувствовал боли, не замечал вооруженных гестаповцев. Он шел свободно, с высоко поднятой головой, а в углу стал лицом к нам и смотрел прямо на нас. Мы невольно тоже подняли головы выше. На момент гестаповцы, пораженные тем, что Юлек не подчиняется их приказам, оцепенели. Глаза Юлека не выражали покорности. Он стоял в своем углу, окруженный гестаповцами, не как побежденный и бессильный, а как победитель. Таким я видела его в ту ночь и буду видеть до самой своей смерти.

Меня стащили со скамьи и поставили перед Юлеком. Мы стояли совсем рядом, почти на расстоянии протянутой руки, и смотрели друг на друга. пытки, так изуродовавшие Юлека, не могли для меня изменить ни единой черточки на этом лице, таком близком и родном.

— Знаешь его? — закричал мне гестаповец. Юлек мой!

Я покачала головой: «Не знаю!»

Мужественный взгляд Юлека подбадривал меня: «Будь твердой!»

Гестаповец махнул рукой.

Ах, Юлек мой!

Меня увели, и в ту ночь я его больше не видела.

Перевела В. Каменская

КТО ВИНОВАТ?

Эфиопская сказка

Жил на свете маленький леопардик. И, конечно, у него были папа леопард и мама леопардиха, которые очень любили своего сыночка.

Однажды малыш играл на полянке. На ту же полянку пришло пастись стадо слонов. И вот старый слон отдал лапу леопардику. Он вовсе не хотел причинить зло малышу, он его просто не заметил. Но леопардику было очень больно, и он, громко мяукая и хромя, побежал к родителям.

— Мне отдавили лапу! — закричал леопардик.

— Бедный мой сыночек, — замурлыкала мама леопардиха и принялась облизывать пораненную лапу.

— Кто посмел это сделать?! — закричал отец леопард. — Назови мне имя обидчика. Гнев мой страшен, а месть будет ужасна. Я убью его!

И леопард начал яростно хлестать себя хвостом по бокам.

— Это были слоны, — всхлипывая, сказал леопардик.

— Слоны?! Гм... — папа леопард задумался и сказал: — А мне кажется, что это были козы. Как они выглядели, сынок?

— У них толстые ноги, похожие на стволы деревьев. Уши, как листья бананов. Нос длинный и гибкий, как лиана. Туловище, как серая скала...

— Скала?! — повторил папа леопард. — Ну, я же говорил, что это козы! Только козы дазают по скалам. Сейчас я рассчитаюсь с ними.

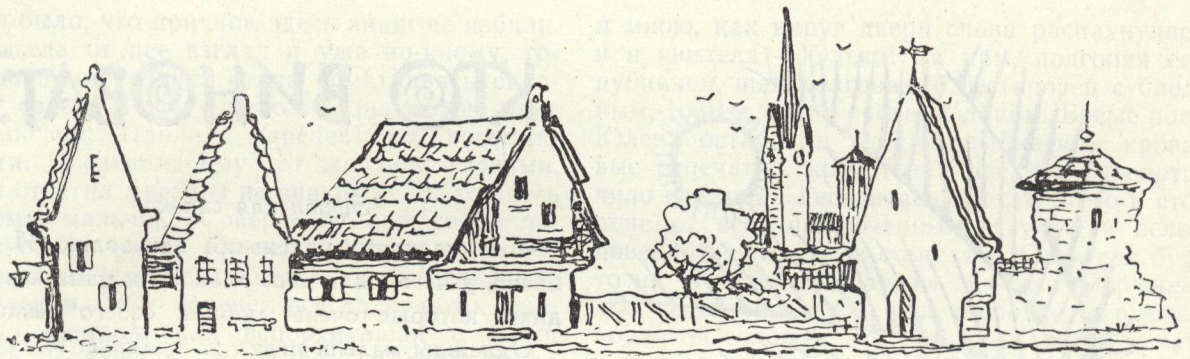
Он огромными прыжками помчался на горный луг, где паслось стадо тонконогих козочек, и тут же растерзал трех.

Так оно бывает не только у зверей. Когда сильного обидит тот, кто еще сильнее, обиженный вымещает злость на слабом.

Литературная обработка Н. Гессе

Рисунок Г. Моисеевой

Нигер Хагерун

Рисунки Е. Савкевич

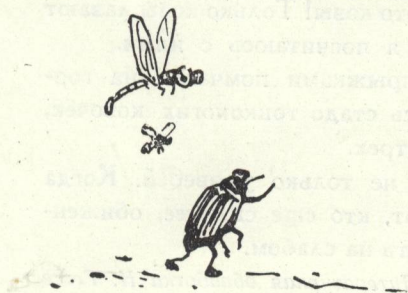
В маленьком доме

В маленьком доме, который за маленьким домом
Сапожника Грина,
В темной кладовке, которая в темной кладовке
Его магазина,
Под табуреткой, которая под табуреткой
Жены его брата,
Дед его прадеда булочку с маком
Спрятал когда-то.

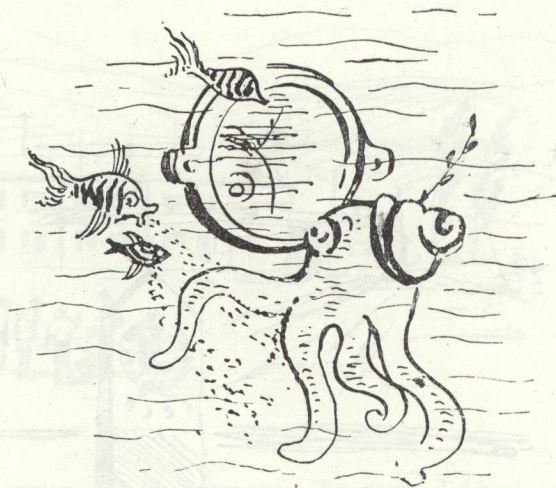
Майский жук

Майский жук, а майский жук, что спешишь ты вдруг?
— Нынче звал меня к себе мой старинный друг.
Майский жук, а майский жук, как его зовут?
— Ты о нем слышал сто раз. Это шкипер Кнут.
Майский жук, а майский жук, а зачем он звал?
— Будет нынче у него развеселый бал.
Майский жук, а майский жук, что же ты грустишь?
— Как же, дома у меня сто один малыш!
Столько маленьких — беда: драки, гам и вой,
Не могу их никуда повести с собой.

Чудно летучей мышью быть

Чудно летучей мышью быть,
Чудно ночную тьму любить,
А спать при солнце, детки.
Пойдем ли мы когда-нибудь,
Как это можно вдруг уснуть
Вниз головой на ветке?
Чудно родиться пауком,
Всегда, везде ходить с клубком,
Для мошек сеть сплетая.
Но как же можно поместить
В животике паучьем нить
Длиною до Китая?

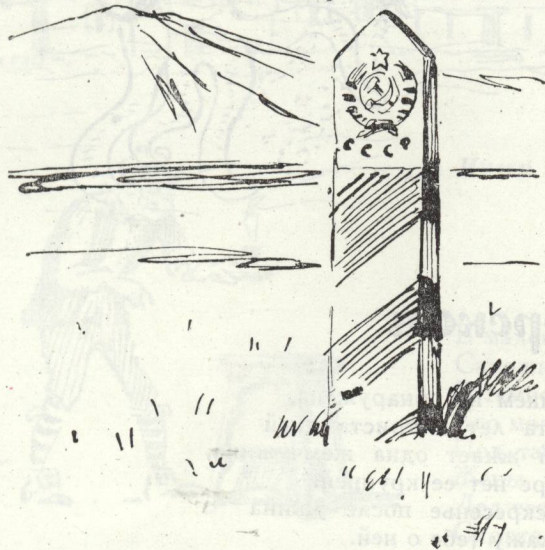
На дне морском

Буря шхуну исковеркала,
Шхуна спит на дне морском.
В стекла круглые, как в зеркало,
Спруты смотрятся тайком,
И тогда рыбешка мелкая
В них кидается песком.
Крабы мудрые и старые
Носят панцири, клешни,
Бродят потные, усталые,
Но не выйдут без брони.
Все же слишком толстопалые
И несчастные они.
Здесь всегда погода мокрая.
Можно грипп схватить вполне,
Да и качка здесь жестокая.
Но растет на самом дне
Раковина одинокая,
В самой-самой глубине.

И, никем не обнаружена,
Триста лет и триста дней
В ней живет одна жемчужина,
В мире нет ее крупней.
В воскресенье после ужина
Расскажу тебе о ней.

*Перевод с норвежского
Ю. Вронского*

РЯДОМ ГРАНИЦА

Р. Грачев

Рисунки В. Орлова

Однажды вечером в пограничном селе, расположенном на склоне горы, остановился автобус. Из автобуса вышли колхозники, ездившие в город за покупками, а за ними неизвестный человек. Он посмотрел по сторонам и не спеша направился к границе, помахивая авоськой с красным блокнотом.

Он миновал чайное поле, прошел мимо ореховых деревьев и спустился к реке, желтые воды которой громко шумели по камням. Там, в прибрежных кустах, невидимая на фоне зелени, протянулась колючая изгородь. И все, что было за нею — вода, камни, горы — все это было уже не наше. Это была соседняя страна Турция.

Неизвестный остановился около самой границы и оглянулся. Кругом никого не было

видно, только наверху, подле школы, играли дети. Неизвестный сел на траву и стал что-то писать в блокноте.

— Вы что тут делаете, дядя?

Перед ним стоял мальчик в школьной форме.

— Я ищу директора школы...

— А откуда вы приехали? — спросил мальчик, с подозрением глядя на блокнот.

— Из Ленинграда. А ты кто такой?

— Я здешний. Пойдемте, я вас отведу...

Мальчик то и дело оглядывался, в его темных глазах мелькал испуг. Но он понимал, что нельзя выдавать страх и старался приветливо улыбаться.

На полпути к школе неизвестного окружила толпа ребятишек.

Его посадили на стул посреди лужайки, ребята встали поодаль.

— Подождите здесь, — сказал мальчик. — Директор скоро придет. А пока послушайте песню.

Вперед выступила смуглая девочка и запела гортанным голосом какую-то очень красивую песню. Как только она кончила петь, ее сменил маленький мальчик. Он стал читать по-грузински стихотворение.

Стихотворение было длинное-предлинное, мальчик уже устал, он вытирал взмокший лоб, останавливался и снова читал. Казалось, что он повторял одно и то же стихотворение несколько раз.

Ребята тем временем с тревогой посматривали по сторонам. Потом они вдруг зашумели и теснее обступили неизвестного. Издалека послышался тяжелый топот. Прошла минута, и над стриженными головами ребят возникли зеленые фуражки пограничников.

— Ваши документы...

Неизвестный, сидевший до сих пор молча, с невозмутимым лицом показал пограничнику документы.

Пограничник, увидев удостоверение с красным галстуком в уголке, рассмеялся.

— Это не шпион, ребята, — сказал он. — Это — корреспондент журнала «Костер». Он приехал к нам в гости.

Так я познакомился с юными друзьями пограничников.

Стоит у берега реки большой светлый дом — интернат. Глядит окнами на турецкую сторону. В доме живут ребята. Смотрят в окна. Видят каждый вечер, как проходит вдоль границы наряд пограничников с собакой. Светят пограничники фонариками на контрольно-следовую полосу — вспаханную землю перед заграждением — не оставил ли нарушитель свой след. И ребята смотрят, не видно ли следов. И завидуют пограничникам. По ночам не спят иной раз, все в окна смотрят, а сны видят, понятно, только про шпионов.

А пограничники, глядя на окна интерната, с благодарностью вспоминают о ребятах и думают: «Хорошие у нас помощники».

Началась дружба так. Граница в тех местах проходит по горам. На берегу реки много камней. Сами понимаете: по камням легче перебраться через границу — на них следов не видно. И вот однажды на контрольно-следовую полосу вышла пионерская дружина в полном составе. Ребята убрали все камни, до единого, а потом вместе с пограничниками посадили на заставе сад дружбы. Рассказывают, что вскоре после этого события старший сержант Владислав Багрянцев и его товарищи Иван Турлов и Тимур Хантадзе стали вожатыми в пионерских отрядах интерната.

Главное на границе — внимание. Проходит дозором наряд пограничников, вглядывается в следы. Вот пробежала наискось контрольную полосу косуля, вот дикий кабан наследил. А вот еще один кабан бежал поперек полосы. Прямые следы-воронки тянутся по рыхлой земле до самой колючей проволоки. Внимание! Здесь прошел недавно странный кабан. Дикие животные обычно не ходят прямо, как по линейке. И след слишком глубок. Такие тяжелые кабаны — редкость. Нужно осмотреть ближайшие кусты: если это кабан, на колючках терновника обязательно осталась

щетина. Но нет щетины! Тревога! Границу перешел нарушитель, враг. Нет, не спасут его кабаны копыта! Он еще ни о чем не подозревает, а его уже окружают невидимые, неслышные тени. Наконец из листвы появляется черный ствол автомата, и нарушитель поднимает руки...

Ну, а если ему удастся уйти далеко, если пограничники поздно обнаружат след, — тут ребята просто незаменимы, без их помощи не обойтись. Взрослые ведь обычно то на работе, то по хозяйству заняты, а ребяташки бегают и играют на улице даже в ущерб урокам. Видят каждого нового человека и всегда заметят, что он делает.

Непросто жить на границе. Ведь шпионов обучают в специальных школах, выбирают способных, хитрых, ловких. И для того, чтобы их обнаружить, нужно быть еще более способными, еще хитрее и ловчее. Поэтому, хотя с пограничниками дружат все пионеры, есть среди ребят просто помощники и главные помощники.

Главные — те, у кого особые способности. Можно даже сказать, талант — особый пограничный талант, такой же, как способность рисовать или играть на рояле. Для них пограничники устроили кружки. В одном изучают сигнализацию — чтобы уметь в случае чего показать при помощи веточек, камней, зарубок на деревьях путь, которым прошел нарушитель, чтобы могли ребята прочесть сигналы флажками.

Другой кружок — следопыты.

Чтобы стать хорошим следопытом, нужно любить охоту. Да не такую, что увидел зверя — бах! — и застрелил, а настоящую: надо понимать лес, его запахи, его шумы, надо разбираться в птичьих голосах, уметь чувствовать себя в лесу как дома. Из всего этого и вырастает особое чувство — чувство границы.

Вот у Али Артмеладзе такое чувство есть. Это сразу видно. Когда Владислав Багринцев проводит с юными следопытами занятие, он говорит по-русски: не знает грузинского языка. Али не знает русского, но все отлично понимает.

Вот Владислав показывает ребятам два следа на рыхлой земле. Совсем одинаковые на вид следы.

— В какую сторону прошли нарушители?

Али показывает: один — туда, а другой — в обратную сторону. И объясняет жестами: этот след — человека, шедшего спиной вперед. А другой шел в обратную сторону, только нормально. Доказать легко: здесь каблук врезался в землю глубже, а тут — носок. И едва видные бороздки на земле наклонены в разные стороны.

Есть у Али и другое хорошее качество: он отличный бегун. Во время эстафеты пограничников вдоль границы страны он выполнил норму третьего разряда. И если ребята замечают

подозрительного человека, на заставу всегда посылают Али.

Может быть, Роман Торотадзе не так здорово умеет читать следы, но у него есть другие способности, необходимые на границе: он хорошо знает русский язык, умеет подойти к человеку, не вызывая подозрений, притвориться глупеньким таким, наивным и выведать у человека его намерения. Словом, актерские способности.

Айше Цинцадзе — единственная девочка в кружке следопытов. Ее приняли в кружок потому, что она ни в чем не уступает мальчишкам. Конечно, Айше обидно, что девочек не берут в пограничники, но она все равно занимается. Она председатель совета дружины и считает, что должна подавать всем пример, раз дружина стала помогать заставе.

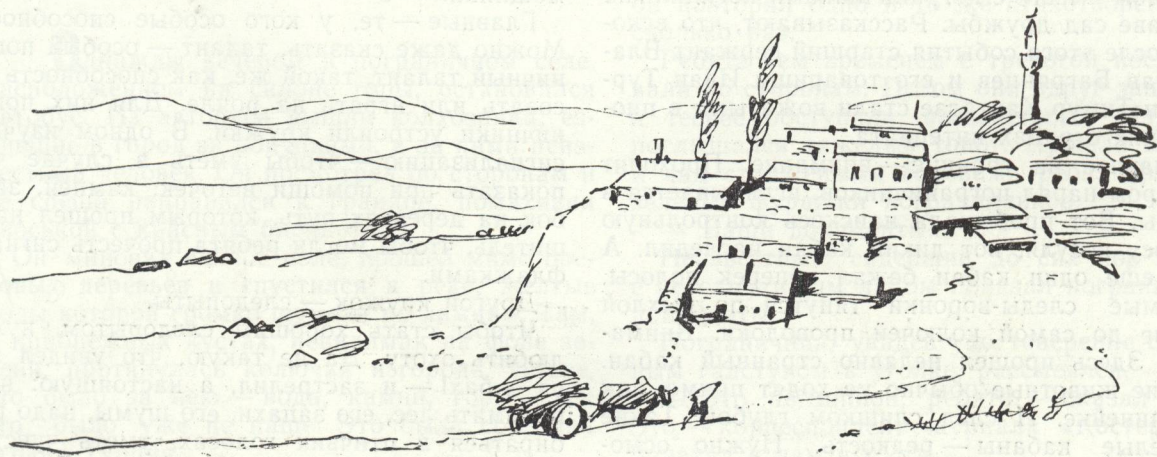
А Резо Гучманидзе в поселке знает каждый. Резо было всего десять лет, когда он помог задержать настоящих нарушителей.

Но вы не думайте, что ребята из пограничного села дружат с заставой только потому, что у пограничников интересная служба. Они любят свое село, свою школу, они видят каждый день, как живут люди по ту сторону границы.

Такие же там горы, как на нашем берегу, такие же растут деревья, только люди другие и по-другому живут. На нашем берегу колхоз, на том берегу — помещик. У нас тракторы шумят, а там раз в год машина приходит за грецкими орехами. У нас вечером село светом

залито, у них тьма. Только на главной улице несколько лампочек горят — специально повесили, чтобы показать себя — дескать, и мы не худо живем. А на самом деле живут турки худо: арендаторы отдают помещику в уплату за пользование землей большую часть урожая, остальное он скупает по дешевой цене. У него и лавочка — все село в руках держит.

У нас интернат окнами сияет, у них — маленькая начальная школа при мечети. И всего три учителя. И учителя бьют детей — видно с нашего берега. У нас в клубе новые фильмы

один за другим показывают, а там... смешно даже говорить — один раз в год привозят кино для турецких пограничников, а больше не полагается. Не понимают турки нашу жизнь, хотя она вся как на ладони: начали в селе строить интернат, турки увидели, забеспокоились. Спрашивают у нас: не военный ли объект строите? Наши смеются; отвечают: нет, не военный — интернат для детей. Удивились турки. Хочешь, не хочешь — поверили.

Тихо на турецкой стороне, скучно. Торчат над деревьями минарет мечети, похожий на фабричную трубу с крышкой от чайника. Пройдут берегом реки турецкие пограничники — еле ноги тащат, скучно им. А крестьяне

тем временем рубят ореховые деревья. С нашей стороны, правда, не видно лиц, но, наверное, они при этом плачут; в прошлом году был неурожай, а теперь приходится продавать деревья на древесину...

Ну и жили бы себе, как могут, так нет: приходят с того берега в нашу страну странные люди. Приходят ночью, с оружием. Хитрые, коварные, жестокие. Приходят убивать, вредить, высматривать.

И чтобы эти странные люди не могли сделать свое черное дело, ошетилилась граница колючей проволокой, распахала сотни километров контрольно-следовой полосы. И несут дозор пограничники, всматриваясь в темноту.

Когда с турецкой стороны не приходят непрошенные гости, ночи на границе спокойны.

Только медведи в горах беспокоят пограничников, ворочаются в кустах, натыкаются на сигнальный провод. Глупые мишки — не понимают, что такое граница, что через нее нельзя.

Глупые? Нет, они просто не вредные, они никому не хотят причинить зла, а просто хотят жить. Ведь корешки одинаково вкусные по обе стороны границы, и мишкам непонятно, зачем это люди перегородили лес колючей проволокой. Медведю все равно, какой он медведь — советский или заграничный. Он просто медведь.

А люди? — Неужели им обязательно надо вредить другим, неужели все турки так непохожи на наших людей, и всем им надо, чтобы наша страна жила плохо?

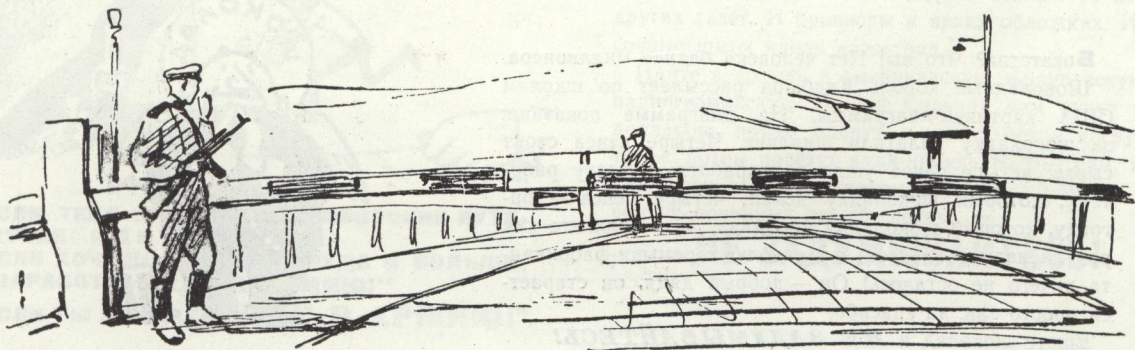
Рассказывали мне такой случай: стояли однажды на своих постах два пограничника, два солдата — прямо друг против друга, на мосту.

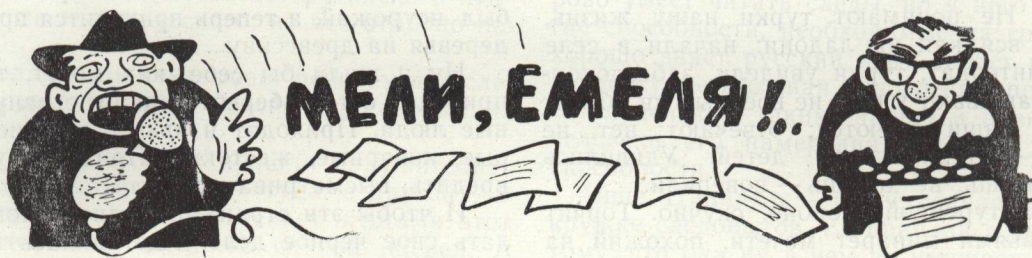
И оба охраняли свои половинки моста. Один нашу, другой турецкую.

Стояли они, стояли, смотрели друг на друга, смотрели и вдруг начали улыбаться. Да так хорошо улыбаться, с таким доверием, что сразу поняли один про другого: хорошие они оба парни. Наш солдат кинул турку папиросу, а тот ему свою сигарету. Покурили они, а потом пришло им время сменяться, и каждый ушел в свою страну.

А ведь им хотелось запросто сойтись на середине моста, постоять рядом и поговорить о житье-бытье. А то и в гости пригласить.

Но только для этого нужно, чтобы турки устроили у себя жизнь без помещиков и лавочников, без шпионских школ. И тогда не надо будет ребятам развивать в себе чувство границы, и полезным останется только чувство дружбы, которое растет сегодня между хорошими людьми в зеленых фуражках и школьниками из горных селений.

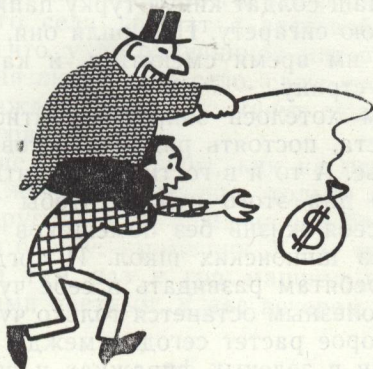

Р. Софронова

Рисунки В. Травина

Капиталистическое государство — огромный комбинат лжи.
 Есть на этом комбинате разные цеха, есть мастера и есть инженеры.
 Они лгут прилежно. Иногда — талантливо.
 Они знают, для чего лгут: чтобы заморочить головы трудовому люду,
 одурманить его, отвлечь от мыслей о тяжелой жизни.
 Вот как они лгут. Смотрите!

В Лондоне на выставке стоит кровать. Не простая — золотая. Вся золотая — от пружин до спинок.

Любой из вас может спать в этой кровати! Только сделайте миллионером! Сделайте, пожалуйста! Ну — что вам стоит?

Мы выпустили для вас книжицу «Каждый — капиталист». Мы доступно объясняем в книжице, как легко каждому стать богачом, как точно совпадают интересы мальчика на побегушках и сверхмиллиардера. У нас же не просто капитализм, а народный! У нас же сплошной рай земной, и все во всем зависит только от вашего желания!

Читайте — и **НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!**

Богатства? Что вы! Нет человека беднее миллионера.

Шоколадный король Кэдбюри рассылает по школам США картинки-диаграммы. На диаграмме показано: за шоколадку уплатили шиллинг. Четыре пенса стоит сырье; четыре пенса ушло на заработную плату рабочему, который шоколадку делал; четыре пенса — торговцу, который шоколадку продавал. А в шиллинге как раз двенадцать пенсов, и на долю горемыки-фабриканта ничего не осталось! Он — добрый дядя, он старается просто так, за спасибо.

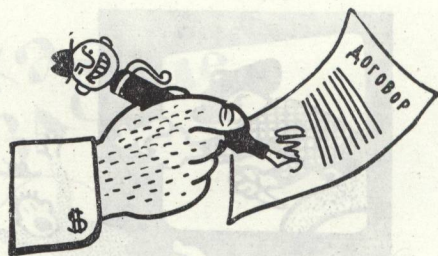
Ешьте шоколад и **НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!**

Руководитель профсоюза американских литейщиков Дэвид Макдональд заключил с капиталистами договор, в котором сказано: «Повышения заработной платы не предвидится».

Своим товарищам по профсоюзу Макдональд объяснил: «Все идет как надо; чем меньше у вас денег, тем вы счастливей. Уж поверьте мне, своему боссу!»

Верьте Дэвиду Макдональду! Он не продался! **НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!**

Ученый-атомщик держит речь:

«Радуйтесь, люди! После многих опытов мы создали новый тип бомбы. Мы назвали ее «бедняк». Во-первых, эта бомба вчетверо дешевле, чем обычная атомная; во-вторых, она «чистая» — при ее взрыве нет опасности радиации. Итак, все в порядке! Ура!»

Что ж вы не кричите «ура», счастливы? Ах, вы сомневаетесь? Ах, вы думаете о том, что даже у самой «чистой» бомбы, ежели она есть, имеются и взрывная волна, и световое излучение, и...

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!

«Война с Советами неизбежна!» — кричат некоторые американские генералы. И потому покупайте набор из сорока девяти предметов: от воды в запаянных банках до колоды игральных карт.

Это — «спасательный набор»; его выпустила фирма «Болтон фарм пэкинг»; захватите его с собой, отправляясь в противоатомное убежище, — и вам будет очень уютно и удобно.

А о прочем — **НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!**

Об этом кричит газета «Арми таймс». И десятки других газет. И брошюры в ярких обложках. И красочные щиты вдоль автострад.

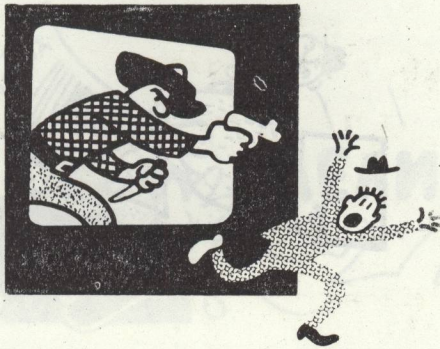
Идите в армию, в американскую, французскую, западногерманскую армию! Сначала вам сунут пачку долларов; потом оденут в хаки; потом погрузят в трюм; потом повезут куда-нибудь во Вьетнам, в Панаму или в Корею; потом вы будете убивать ни в чем не повинных людей; потом... —

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!

„ЕСЛИ ТЕБЯ ПРЕЛЬЩАЮТ ЗАМОРСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ — ИДИ В АРМИЮ!“

„ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЛЕГКОГО ТРУДА И БОЛЬШОГО ЗАРАБОТКА — ИДИ В АРМИЮ!“

„ЕСЛИ ТЫ ГОЛОДЕН — ИДИ В АРМИЮ!“

Сильной личности все позволено. Да здравствуют кулак, отмычка и пистолет!

В двухстах американских кинокартинах показано триста шестьдесят убийств, сто шестьдесят семь краж, девяносто восемь нападений, восемьдесят пять поджогов, тридцать пять побегов из тюрьмы.

«Перенимайте опыт! — кричат эти фильмы. — Стреляйте, жгите, воруйте! Но —

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!»

Чем идти на митинг, лучше зайти в церковь. Там весело! Боженька приспособился к современному уровню техники!

Католический епископ в Чикаго Бернард Шил распорядился установить во всех костелах города телевизоры и вести между службами репортажи футбольных матчей. О верующие, разве о вас не пекутся? И не то еще будет, только — ради бога —

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!

Дураку живется лучше; тот, кто мыслит, рано или поздно станет бунтарем, революционером.

Директор одной из школ Джаксона (США) сказал матери своей ученицы: «Мне жаль вас, ваша девочка развита и способна. Она, бедняжка, отличница».

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!

«В Советском Союзе иметь автомашины разрешено только иностранцам».

«Заграничные фильмы в Советском Союзе запрещены».

«В Советском Союзе не знают, кто такой Шекспир».

Об этом написано в книге. Книгу написал японский турист Соити Оя. Он действительно побывал в Советской стране. И даже фотографировал там помойки — поскольку все остальное ему будто бы «не позволили фотографировать».

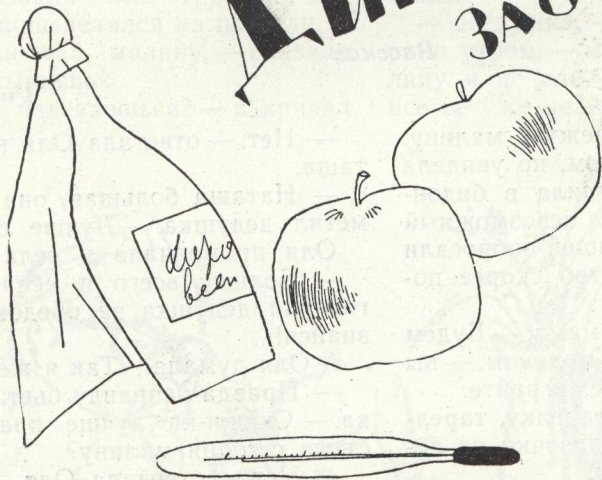
Верьте Соити Оя!

НЕ ЗАДУМЫВАЙТЕСЬ!

И все-таки народы задумываются. И чем дальше, тем больше. Правде, как известно, границы не страшны. А у лжи, как известно, — короткие ноги!

Димка заболеет

Рассказ

М. Разумовская

Рисунок Г. Ковенчука

Вчера не пришел в школу Димка Ушаков. И сегодня тоже не пришел. После уроков староста Вадик Бакирский сказал, что сходит узнать, в чем дело. Я сказал, что тоже хочу пойти.

Вечером мы пошли к Димке. Вадик нес Димке интересную книгу, а я — два яблока. Димка жил недалеко, и мы пришли быстро. Мы вошли в ворота и сразу увидели, что у Димкиной лестницы стоят какие-то большие мальчишки. Стоят и толкаются. Вадик схватил меня за руку и говорит:

— Давай еще немного погуляем.

Я посмотрел на мальчишек и сказал:

— Давай!

Мы погуляли. Когда мы опять подошли к Димкиному дому, мальчишки еще сидели на ступеньках. А около одного лежала большая палка. Я прямо не знал, что делать. Вадик потянул меня за руку и говорит:

— Хочешь, я доскажу тебе историю про ручного воробья?

Это была очень интересная история про то, как воробей клал клювом сахар хозяину в чай. Уже и фонари зажглись на улице, а Вадик все рассказывал. Тогда я сказал:

— Может пойдем, Вадик, а?

Вадик сказал:

— Знаешь, давай завтра навестим Диму, если он опять не придет в школу.

— А вдруг он лежит один? — говорю я. — Мы даже не знаем, что с ним...

— Пойдем, — сказал Вадик. — Я их не боюсь!

— Мы им покажем! — сказал я.

Но мальчишек уже не было. Наверное, им надоело нас караулить. Мы быстро побежали по лестнице. Вот и Димкина квартира.

Дверь нам открыл мальчишка. Тот самый, который сидел с палкой. Мы чуть не скатились по лестнице. А мальчик улыбнулся и говорит:

— Вы к Диме? Вот и хорошо!

Димка лежал в кровати и кашлял. Мы стали разговаривать. А тот самый мальчик, оказывается, принес Димке лекарство. Звали его Боря.

— Я завтра опять к Димке приду! — сказал Вадик, когда мы шли домой.

— А я буду ходить каждый день! — сказал я.

— А я, может, совсем перееду к Димке жить! — сказал Вадик.

Малина

Рассказ

Владимир Марамзин

Рисунки Н. Бустова

Мама принесла с базара свежую малину. Она ходила на базар за молоком, но увидела малину, молока не купила, а купила в бидончик малины. Из бидончика шел невозможный малиновый запах, и Оля с Наташей побросали игрушки, побежали к столу, чтоб скорее попробовать первой малины.

— И не думайте, — сказала мама. — Будем есть за обедом, на третье, с молоком, — вы увидите, как это вкусно. Идите, играйте.

И мама насыпала малину в тарелку, тарелку поставила на шкаф, чтобы девочки не достали, и опять пошла по делам.

— Это снова, наверно, тебе, — вдруг сказала Наташа. — Потому что ты маленькая. Обидно.

— А я тебе дам, — ответила Оля. — Много.

Тарелка стояла высоко на шкафу, и пятна от сока у нее на краях постепенно становились синими.

Оля вышла на улицу, на солнышко, а на улице тоже пахло малиной. Оля подумала о запахе и поняла, что он течет по воздуху, как вода по реке.

Целое утро Оля играла с куклами в малину. Она приносила малину в бидоне и оставляла ее до обеда, не давала, а потом давала на третье, и куклам малина на третье очень нравилась.

— Ешьте с хлебом! — говорила Оля куклам — как всегда учила Олю мама, — потому что если есть без хлеба, получалось слишком вкусно: так нельзя. И куклы с удовольствием ели все с хлебом.

А к обеду вдруг случилось вот что: кто-то съел настоящую малину — полтарелки.

— Я не ела, — говорила всем Наташа. — Я не ела.

Она говорила очень быстро и смотрела: верят ей или не верят, но этого никто не заметил, кроме Оли.

«Ей нельзя сказать, что ела, — думала Оля про Наташу. — Она уже большая. Ей скоро в школу, а тогда ее не пустят».

— Значит, это ты, — сказала Оле мама.

— Нет, не я, — сказала Оля.

— Или ты думаешь, что съела Наташа?

— Нет, — ответила Оля не сразу. — Не Наташа.

— Наташа большая, она бы сказала, — заметил дедушка. — Лучше сознайся.

Оля промолчала и села за стол обедать.

— Больше всего я ненавижу неправду, — говорил дедушка за обедом. — Ты лучше сознайся!

А Оля думала: «Так я же ведь не ела».

— Правда неправду бьет, — говорил дедушка. — Скажи-ка лучше правду. Отвечай, ты съела сегодня малину?

— Нет, — отвечала Оля. — Я не съела.

— Ну, тогда не получишь малины! — воскликнул дедушка, доставая тарелку. — Пока нам не скажешь, ничего не получишь.

«Ну и пусть», — подумала Оля и пошла к своим игрушкам. Оттуда она видела, как мама раскладывает ягоды по тарелкам, — вот она положила Наташе, малина крупная и, наверно, очень вкусная. «Пусть уж лучше я сознаюсь, — сказала Оля про себя со вздохом. — Что же делать?».

— Это я, — сказала Оля. — Дайте мне малины.

— Вот давно бы так, — обрадовался дедушка, и сам положил ей малины на тарелку.

Малина и правда оказалась очень вкусной. Оля глотала ее и прислушивалась, как ягоды падали в живот. Но хотя ей и обещали дать малины, если скажет, все же ей насыпали поменьше, чем другим. И когда малина кончилась, ей стало так обидно, что она не удержалась и сказала:

— Все равно я ее не ела.

Дедушка выскочил из-за стола, мама рассердилась и не стала мыть посуду, даже и Наташе это очень не понравилось.

«Ну и пусть, — подумала Оля. — Я ее не ела».

Оля вышла на улицу. Ворча и приговаривая, у забора ходила курица, искала случайные зерна.

— Я не ела! — сказала Оля курице.

— К-ках-ках-ках! — сказала курица, вздрогнув.

До самого вечера Оля не могла забыть про малину.

Все уже спали, а она все лежала на спине и следила, как глаза ворочались под закрытыми веками. Оля попробовала их остановить, но они заворочались еще быстрее.

— Дедушка! — позвала Оля громко. Дедушка вздрогнул и пошевелился на постели.

— Я ее правда не ела, малину, — сказала Оля. — Дедушка, слышишь?

— Ты надо мной издеваешься? — закричал

«Может, это ты съел малину, а не Наташа», — подумала Оля во сне и обрадовалась. Осел у нее во сне ел малину, а потом забрался за шкаф и тихонько икал там в свое удовольствие.

— Дедушка, — сказала Оля, просыпаясь рано утром, — можешь мне не верить, но малину я не ела, — сказала Оля, чувствуя, что все ее уже не уважают.

дедушка и, схватив ремень, зашлепал по полу к ее кровати.

— Ела, ела! — закричала Оля, испугавшись.

Дедушка в сердцах стегнул по спинке стула, сразу же успокоился и пошел снова спать.

«А я и не ела», — сказала про себя Оля. Но все равно стало немного легче. Оля поворочалась, а потом понемногу задремала и уснула.

Ночью ей снилась малина, мягкая и как будто мохнатая. И еще ей снился осел, которого она видела весной в зоопарке, в Ленинграде.

У этого осла были тоже мягкие и мохнатые губы, только серые. Он дул на нее воздухом из носа, который весь у него был сделан из этих губ, и из носа пахло свежей малиной.

— Как я не люблю твое упрямство! — дедушка вскочил в своей постели. — Мы же точно знаем — это ты!

— Нет, — сказала Оля. — Я не ела.

— Ну что вы со мною делаете! — расстроился дедушка. — Ну что тебе стоит — скажи: это я! Я ничего тебе не сделаю. Ведь ты уже созналась, так зачем ты меня сердишь? Не могу же я все думать про какую-то малину. Скажи, что это ты, успокой своего дедушку!

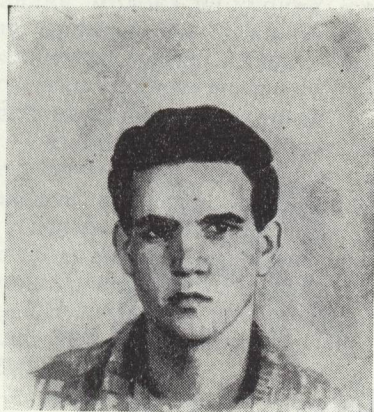
— Нет, — сказала Оля. — Я не ела.

— Забудем про это, — вмешалась мама. — Ела, не ела. Хватит. Забудем.

— Нет, не забудем, — сказала Оля. — Нет, не забудем — потому что я не ела.

МАНУЭЛЬ ДОМЕНЕЧ — ГЕРОЙ КУБЫ

«Уметь писать — это значит подняться»
Хосе Марти

Это случилось 26 ноября 1961 года. Мальчики сидели на пороге дома и читали. Вдруг залаяла собака. Мальчики подняли головы. К дому подходила группа вооруженных людей.

— Бандиты! — подумал Мануэль. Он знал, что по острову еще бродят вооруженные шайки — остатки разбитых в апреле разбойничьих банд.

Люди вошли во двор. Один из них ударом кулака вышиб книгу из рук Мануэля. В эту минуту из дому с винтовкой в руках выскочил Педро.

— Стой! Не стреляй! Мы свои... — крикнул один из вошедших. Педро опустил винтовку. Те медленно приблизились.

— Если бы мы не крикнули, ты бы перестрелял нас, — сказал один из них, усмехаясь. Остальные набросились на Педро и отняли у него винтовку.

— Это кто? — спросил главарь, указывая на Мануэля. — Отвечайте!

Мануэль шагнул вперед и, прежде чем кто-нибудь успел проронить хоть слово, твердо сказал:

— Я учу людей грамоте. Его, его... И других.

— А, коммунист! Пойдешь с нами. И ты тоже, — кивнул главарь сыну Педро.

Толкая крестьянина и мальчиков прикладами, бандиты повели их в поле. Жена Лантиги, сеньора Мариана, бросилась за ними.

— Заберите в моем доме все, но не трогайте сыновей!

— Разве алфаветисадор тоже твой сын?

— Да, сеньор, мой сын!

Бандиты расхохотались. Сеньора Мариана схватила своего сына за руку и оттащила в сторону.

— Беги, сынок, беги скорее!

Один из бандитов щелкнул затвором карабина, но главарь прикрикнула на него:

— Ты с ума сошел! Улышатся...

Сеньора Мариана снова бросилась к бандитам, пытаясь отбить Мануэля. Ее ударили по лицу. Женщина рухнула на землю.

...Когда в деревню вступил отряд народный милиции, на высокоом холме, на деревьях, висели двое: алфаветисадор Мануэль Доменеч и его ученик — крестьянин Педро Лантига.

Вся Гавана хоронила героев. За гробом шли члены правительства — Освальдо Дортикос, Фидель Кастро, Блас Рока. И когда над могилой раздался прощальный салют, на родине Мануэля, в небольшом городке Луйано, на фасаде здания, где жили школьники, появилась надпись: «Лагерь алфаветисадоров имени Мануэля Доменеча». А в провинцию Лас Вильяс, где был убит Мануэль, отправилось пять тысяч школьников, чтоб завершить начатое дело.

У крестьянина Педро Лантиги была большая семья. Одних детей семь человек. Старшему — четырнадцать. Он всего на год младше Мануэля.

— Здравствуй! — сказал Педро Мануэлю. — Моя семья всегда рада гостю из Гаваны, а такому вдвойне...

Мануэль приехал на ферму не отдохнуть. Он был алфаветисадором. «Алфавето» — по-испански «алфавит». Алфаветисадоры — это школьники, которые во время летних каникул учат грамоте крестьян и рабочих. Вот зачем приехал Мануэль Доменеч на ферму Пальмарито, расположенную далеко от больших городов и шоссейных дорог.

Днем Мануэль вместе с хозяевами убирал в поле сахарный тростник. А по вечерам становился учителем. Сначала Мануэль занимался с самим Педро, а когда тот мог уже читать и немного писать, начал учить его старшего сына.

— Здравствуй, Фидель! — Так встречали кубинские ребята Фиделя Кастро, приехавшего на открытие Дворца пионеров в Гаване.

ВОЛШЕБНИКИ

Т. Львова

Длинное здание в глубине двора кажется совсем обыкновенным домом. В двух шагах Кировский проспект, а тут тихо. На подъезде табличка «Отдел фармакологии». «Фармакон» погречески лекарство, «логос» — понятие, учение, наука о воздействии лекарственных веществ на организм человека — вот что такое фармакология.

Уже много лет подряд этим отделом Института экспериментальной медицины руководит действительный член Академии медицинских наук Сергей Викторович Аничков.

...Операционная. Над больным склонился хирург в белой маске. Сестра подает ему инструменты. Ассистент следит за дыханием оперируемого. Рядом с хирургом Сергей Викторович — высокий, по-молодому крепкий.

Казалось бы, все как в обычной операционной. Но кто больной? Что с ним? Опасная болезнь? Несчастный случай? Ни то, ни другое. Здесь готовят собаку к длительной, может быть, многолетней службе науке, или, как еще говорят, к хроническому опыту.

Ученому важно узнать, как действует лекарство на определенный участок мозга. Как это выяснить? Ввести лекарство прямо в мозг? Так и поступали раньше. Но результаты получали неточные — ведь препарат разливался по всему мозгу.

Сергей Викторович и его сотрудники предложили новый способ. Один конец полиэтиленовой трубки — катетра вставляется прямо в артерию, питающую изучаемый участок мозга, другой конец трубочки выводится наружу.

Операцию делает ученик Аничкова Василий Ефимо-

вич Рыженков. Ловкие пальцы хирурга находят в разрезе на шее собаки кровеносный сосуд. Теперь надо вставить в него катетр. Это трудно, хотя животное неподвижно, спит под наркозом. Если проколоть сосуд неправильно, собака может погибнуть.

Долго не удается «поймать» артерию.

— Есть! — наконец говорит Василий Ефимович. Это значит, что трубочка вошла в артерию. Теперь она навсегда останется там.

— Можно зашивать?

— Все в порядке, — говорит Сергей Викторович.

Как же будет вести себя собака после операции? Ответит на этот вопрос другой пес, Стрелок. Он недавно перенес такую же операцию и теперь проходит медосмотр. Пес как пес, только возле ушей торчат, словно рожки, две трубочки. Научный сотрудник в одну из трубочек вливает жидкость. Стрелок стоит спокойно на столе в своем станке и вид у него вполне добродушный. Значит, ему не больно.

Окажет ли вливаемый препарат действие, которого ожидают? Это станет известно ученым через некоторое время.

На соседнем столе — другая испытываемая собака. У нее — фистула в животе: кишечный сок стекает прямо в пробирку. Это Пальма. Двенадцать лет она «работает» в институте. Характер у нее покладистый: часами терпеливо переносит опыт. Устанет — ослабит мускулы и повисает на ремнях станка, как на качелях, отдыхает. В шутку говорят, что «на ней» защитили две докторских и пять кандидатских диссертаций.

Не только на собаках ставят опыты. Мыши — тоже подопытные животные. На первый взгляд белые мыши ленивы и безобидны. Вот они лежат в клетке, и сотрудница в рабочем халате собирается открыть одну клетку. Она-то знает, что обращаться с мышами надо осторожно: у них очень острые зубки.

Но не всегда они настроены миролюбиво. Иногда они затевают отчаянные драки. Слово маленькие стремительные комочки, они злобно бросаются друг на друга, кусаются, со-

НЕ ИЗ СКАЗОК

Рисунки А. Януса

всем как потерявшие голову драчуны-мальчишки.

Почему возникает драка? Да потому что зверьков подвергают действию электричества. Можно ли успокоить драчунов? Научный сотрудник Петр Прокофьевич Денисенко набрал шприцем прозрачное вещество и ввел его мышам одной клетке. А во второй клетке мыши так и остались без укола — это для контроля.

Прошло немного времени, и драчуны из первой клетки стали успокаиваться. Они уже колотили друг друга лениво, будто нехотя. Потом и вовсе разошлись по углам, улеглись, а некоторые даже уснули. Никто не поверил бы, что они только что бешено набрасывались друг на друга. Тем временем во второй клетке продолжалась драка.

Петр Прокофьевич Денисенко изучает препараты, которые успокаивающе действуют на центральную нервную систему. Новое лекарство уже применяется в больницах. Оно необходимо, например, людям, которым предстоит тяжелая операция. Ведь многие нервничают перед операцией. От волнения у них перехватывает дыхание, учащенно бьется сердце. Но вот больному вводят лекарство, и он постепенно успокаивается.

Одних опытов, проведенных на животных, иногда еще мало. Ведь одно дело — организм животного, и совсем другое — организм человека.

Лет пятьдесят назад Сергей Викторович Аничков учился на медицинском факультете Казанского университета. Его учитель профессор Болдырев поставил опыты на собаках. А студент Аничков решил проверить их на самом себе. Он заглаживал, и обязательно натошак, два медицинских зонда, с маленьким баллончиком на конце каждого. Один баллончик попадал в желудок, другой — в двенадцатиперстную кишку.

Опыт длился часами. Друзья Сергея Викторовича старались как могли развлечь его. Но как развлечь? Как выйти на прогулку, если у «мученика науки» изо рта торчали две резиновые трубочки и заворачивались за уши...

И все же вечером, когда на улицах уже смеркалось, друзья выхо-

дили подышать свежим воздухом. И как же весело смеялись они, когда случайные прохожие, разглядев при свете фонаря резиновые «рожки», шарахались в сторону...

Эти опыты прекратились с началом первой мировой войны. Сергей Викторович ушел на фронт. И только через четыре года он смог продолжить медицинское образование. Однажды, встретив случайно своего друга по Казанскому университету, он представился: «Штабс-капитан в отставке и женщина-врач Сергей Аничков».

После ранения Аничков демобилизовался, поступил на последний курс Петроградского женского медицинского института. Здесь после октябрьской революции юноши и девушки стали учиться вместе, и Сергей Викторович Аничков был первым мужчиной, который окончил этот институт.

Вот тогда Аничков и решил посвятить себя фармакологии, науке с огромным будущим.

На полках аптеки стоит множество всяких лекарств от самых разных недугов. И у каждого своя длинная история, история поисков, неудач, побед.

Есть среди лекарств старики, есть и совсем еще юные. Фармакология — наука очень древняя. Вспомните добрых волшебниц из народных сказок: они исцеляли раненых героев, оживляли «святой водой» богатырей. И если верить сказкам, у этих добрых волшебниц были и свои тайные лаборатории...

В далекие времена людей, которые изучали свойства целебных растений, часто обвиняли в дружбе с «нечистой силой», обвиняли в колдовстве, бросали в тюрьмы, а то и сжигали на кострах. А все-таки народные фармакологи собирали по крупицам свои знания и бережно передавали их из поколения в поколение. Они создавали основу науки о лекарственных веществах.

В наши дни наука о лекарствах — это целая отрасль науки и техники. В цехах ленинградского завода «Фармакон» выпускают тысячи лекарств, изучение которых закончилось в лабораториях. А в лабораториях продолжается своя работа: здесь ищут новые средства против многих пока неизлечимых болезней.

КАК ОНИ В КИНО СНИМАЛИСЬ

Повесть

Арт. Минчиковский

Рисунки Б. Семенова

Куда делись каникулы? Витяй и Лешка вернулись из лагеря — ездили вместе во вторую смену — и стали подсчитывать, сколько еще осталось гулять. Две недели, потом десять дней. Девять, восемь... Вот тебе и целых три месяца! Витяю еще что! А вот у Лешки двойка в табеле. Противная, жирная, с опущенным носом. Это означает, что ему предстоит переэкзаменовка по географии. Но Лешке никак не взяться за учебники. Каждый день он объявлял Витяю, что «завтра засядет», но проходило «завтра», и Лешка переносил свое «засяду» на следующее утро. С некоторых пор он возненавидел географические карты. Особенно контурные. Ищи на них Австралию или Огненную землю! Хорошо космонавтам! Поглядел сверху, как какая страна выглядит, и запомнил. А он только в трамваях ездит — откуда ему?

Однако географию надо было учить, иначе дома предстояли крупнейшие неприятности. И Лешка сообщил другу, что окончательно и бесповоротно усаживается за учебники с послезавтрашнего дня.

Но тут как раз и началось такое, что опять сделалось не до географии.

В то самое «послезавтра утром» — звонок в квартиру. Является Витяй, вызывает Лешку на лестницу и приглашает поехать в Зоологический сад. Там появился какой-то муравьед. Что за штука — непонятно, но, видеть, образина страшная. Ну, как тут откажешься. Действительно, надо же знать, что там у них за муравьед. В конце концов — еще неделя. Успеется с географией.

— Ладно, если уж тебе так приспичило, пошли.

Они идут по Суворовскому две остановки и садятся в новенький голубой автобус. Машина бежит мимо знакомого Таврического, потом едут вдоль набережной, сворачивают на мост. Хоть и август, а день — только бы выкупаться. Нева и небо синие, одного цвета. Асфальт шинами натерт, блестит, как пружина старого будильника. В автобусе душно, Витяй и Лешка норовят высунуться в окно и жадно глотают встречный ветер.

— Тетенька, нам в Зоологический. Скоро?

— Да вы уж лишнего проехали! Сейчас сходите. Назад остановку и направо по Горького.

Витяй и Ленька наперегонки метнулись к дверям. Но из автобуса на ходу не выйдешь. Пока не выпустят — сиди, как запаянный в банке.

Наконец, на панели! Уф, легче дышать! Перешли на другую сторону и зашагали по Кировскому проспекту. Ничего себе — очень даже хорошая улица. По такой улице и погулять не вредно. Вдруг нате вам! Витяй останавливается и задирает голову. На стене дома

орден величиной с колесо грузовика, а под ним вывеска.

— Ор-де-на Ле-нина студия «Ленфильм», — читает вслух Витяй. — Вот здорово! Гляди, тут кино делают!

Лешка пожимает плечами. Его ничем не удивишь. Но красуется он для вида. Он и сам не знал, что кино делают в обыкновенном доме на Петроградской стороне.

Внизу большие окна. За ними сидят тетки и что-то считают на машинах, как в приходной кассе. Ни артистов, ничего такого особенного не заметно. За стеклом объявление:

СТУДИИ «ЛЕНФИЛЬМ» СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВОЛОС

— Неужели один? Зачем им? — Лешка невольно касается торчащего из-под кепки клока.

— Да нет. Много надо и длиннющих, — догадывается Витяй.

— Пошли! В Зоологический опоздаем. Еще несколько шагов и опять задержка. Теперь остановился Лешка. Он схватил Витяя за руку.

— Смотри-ка!

На стене объявление:

Студия «Ленфильм» приглашает для съемки в фильме «ВАТАГА НАШЕГО ДВОРА» мальчика 11—12 лет русского типа, на роль Вовки, и подростков 11—13 лет для съемок в эпизодах и массовке.

Запись и предварительный просмотр 24 августа с 11 до 13 ч.

Лешка — как будто его тюкнули чем-то. Рот раскрыл. — Витяйка, ведь сегодня же и есть двадцать четвертое августа...

— Ну и что?

— Как что... И время одиннадцать...

— Ну и что?

— Вот серый!.. Какой у нас тип?

— Как какой?.. — Витяй обалдело смотрит на друга.

— Ну, русский у нас с тобой тип?

— Не американский же, конечно.

— Пошли скорей, Витяйка!

— Куда?

— В кино записываться!

— Да ты что, чокнутый, кто нас возьмет? Что мы — ертысты?

— Артистов мальчишек не бывает.

Витяю нечем крыть.

— А не прогонят?

— Видишь же — приглашают.

Витяй еще раздумывает. В кино записаться, конечно, заманчиво, но и муравьед — тоже вещь. А Лешка уже шагает к входу, и Витяю остается только спешить за ним.

Они видят толпу подростков и с ходу оба втискиваются в нее.

— Записывают еще?

— Не знаю, — лениво отвечает какой-то долговязый парень.

— А вы просились?

— Не знаю.

«Вот бамбук», — думает Витяй. — И что стоит тут. Ничего не знает». Но тут какой-то живой, гладенький подстриженный под челочку:

— Сейчас один дяденька выйдет.

И тут действительно появляется молодой дядька в больших темных очках и рубаше с коротенькими рукавчиками. С ним девушка с блокнотом.

Дядька в клетчатой рубаше неторопливо оглядывает замершую толпу мальчишек. Глаз его не видно, потому что вместо стекол в очках у него зачем-то вставлены синие зеркальца.

— Поднимите руки! Сколько вас тут? — Они начинают считать собравшихся. Рук никто не опускает до самого конца счета.

— Тридцать семь, — говорит очкастый. — Так у тебя, Светлана?

— Тридцать семь!

— За мной, по одному! — командует дядька.

В дверях создается пробка, каждый старается пройти первым. Несмотря на все маневры, Лешке удается проскользнуть только четвертым. За ним пролезает и Витяй.

— Спокойно, все успеете! — кричит Светлана, которая оказалась в самом хвосте.

Но какое тут! Каждый считает, что чем раньше он пройдет, тем скорее сделается Вовкой.

Потом их ведут по лестнице, затем по коридору. Опять спускаются по лестнице и вдруг надпись — красными светящимися буквами:

ТИХО! ИДЕТ СЪЕМКА!

Вот это да! Начинается! Все разом притихли, почти не дышат. Подошвы едва шуршат по ступенькам. Лестница бежит крутыми изгибами. Витяй оглядывается. Цепочка мальчишек растянулась на три марша. Тридцать семь штук. Попробуй тут стань Вовкой!

Они минуют ее, коридор и снова выходят во двор. После тусклого света глаза слепит солнце. Проходят двором, и вот они в небольшом садике. Нате вам! Новое дело! В садике мальчишек раза в три больше, чем пришло сейчас. Те недовольно косятся на вновь прибывших. И чего еще вас привели? Уже хватает.

Лешка толкает локтем Витяя.

— Видал, сколько гавриков, а?!

На дорожку в сад вынесен стол и стулья. На столе — разграфленные, как классный журнал, листы бумаги. За столом толстый розовый дядька. Половина головы его гладкая, как мяч, а другая покрыта растущими во все стороны седыми волосами. Он похож на одуванчик, который не успели сдуть. Седой дядька всем распоряжается. Возле него суетятся еще какие-то люди.

— Ну все. Начнем, Генрих, — говорит он очкастому. — Строй в ряд.

— Становись в одну шеренгу! — командует тот, кого назвали Генрихом.

— По росту, по росту! — кричит Лешка и норовит в голову колонны. Но те, кто пришли раньше, решительно оттирают его, и Лешке приходится встать рядом с Витяем.

— Давайте без базара! Тихо! — кричит Одуванчик и стучит по столу. Он поднимается со стула и важно, как на параде, идет вдоль выстроившейся на дорожке шеренги. За ним стайкой — помощники. Нет сомнения — толстяк тут самый главный, все только на него и смотрят.

Подойдя к последнему мальчишке, он мимолетно оглядывает того с ног до головы и, коснувшись его плеча, приказывает:

— Вот туда, влево!

— Ты — налево, — говорит он другому.

— Ты — тоже налево... Налево... Налево... Направо.

Иных толстяк проходит очень быстро, и все они оказываются на левой стороне дорожки. У других чуть задерживается и направляет их вправо. Одного почему-то посылает к столу и велит там ждать.

Вот Одуванчик приближается к Витяю. На Лешку он почти не смотрит.

— Влево!

Лешка неохотно бредет к ребятам. Он догадывается, что ничего хорошего это не предвещает. Витяй уже готов последовать за товарищем. Вместе пережить легче. Но толстый неожиданно снимает с Витяя берет и пытается пригладить его хохолок. Как бы не так! Знал бы он, сколько огорчений доставляет Витяю этот вихор. Его и утюгом не прижмешь. Торчит, как у стилиста с Невского. Только состричь, единственный способ. Так Витяй и знал, что этот хохол его подведет. Вот толстый стоит и смеется, и все другие улыбаются. Лешка ухмыляется издали. Эх, называется товарищ!

— Смотри-ка, Генрих, — оборачивается Одуванчик. Видал, а, какой! Бери его на карандаш!

— Есть! Давай туда, к столу, парены!

Витяй не знает, что это значит, но идет, куда ему велели. Там еще только трое мальчишек. И вдруг Витяй, к удивлению своему, замечает, что они все чем-то похожи друг на друга. А один — совсем обалдеть — похож на него, Витяя. И откуда выкопался такой!

— Все! Переписать по группам! — командует Одуванчик, окончив смотр.

Витяя и остальных трех записывает Генрих. Потом их по одному допрашивает главный.

— Тебя как кличут?

— Бориков Валерий.

— Откуда такой?

— С Петроградской, — отвечает мальчишка. Это тот самый, что похож на Витяя.

— А ну быстро: «На дворе трава, на траве дрова... На дворе трава, на траве дрова...»

Петроградский наливается, как помидор, но выговаривает все ладно.

— Так, — кивает Одуванчик. — Теперь: «лодка, водка... чушка, кружка...»

Парень выговаривает и эту глупость, но толстяк не понимает:

— «Шестьсот шестьдесят шесть». Три раза.

Мальчишка, кажется, сейчас лопнет.

Наконец главный кивает Генриху.

— Пойдет! Пиши на пробу.

Теперь и все остальные понимают, что парня мучили не зря, и все шепчут скороговорки.

Со вторым делом обстоит хуже. Быстроглазый и бойкий, он, однако, в «траве и дровах» раскатил такое длинное «р-р-р», — казалось, отбил дробь на барабане.

— М-да, — задумчиво почесал нос толстяк. — А глаза хороши. В эпизоды, Генрих!

Витяй был последним после рыжего мальчишки, которого тоже записали на пробу. Витяй было уже

раскрыл рот, чтобы поскорей выпалить все, что требовал толстяк, но тот неожиданно спросил:

— В каком классе?

— В шестой перешел.

— Отметки достойные?

Витяй пожал плечами:

— Двоек нет.

— А троек?

— Четыре, — про минус по русскому письменному Витяй умолчал.

— В школе, в драмкружке участвуешь?

— Нет. Елку для малышей ставили — я волком выл.

Витяй вспомнил, как зимой он, ползая на четвереньках, в вывернутой нутром чьей-то шубе и зубастой маске изображал волка и так рычал, что смеялся даже директор школы Петр Акимыч.

Толстяк еще поговорил с Витяем и вдруг сказал Генриху:

— Вроде похож на то, что нужно. Попробуем.

Он поднялся, потрепал Витяю за хохолок и слегка подтолкнул в сторону Генриха.

Меж тем переписку всех остальных уже закончили и всем сказали, что их позовут, когда будет нужно. Светлана повела мальчишек к выходу. Не уходил только Лешка. Видно, он решил ни за что не покидать студию без Витяя.

— Ну, а ты что, друг? — спросил его главный.

Пришло время вступить Витяю.

— Это мой товарищ, — объяснил он. — Мы вместе.

— Ну ладно. Пусть ждет. — Толстяк махнул рукой: — Генрих, веди!

Опять вошли в здание. Поднялись по лестнице и очутились в длинном коридоре. По правой стороне его было много дверей с матовыми стеклами. На той, которую отворил Генрих, досочка:

Кинокартина «ВАТАГА НАШЕЙ УЛИЦЫ»

Режиссер

В. П. ЧУКРЕЕВ

Оператор

Э. Ю. МАГ

Лешка тоже хотел войти в комнату, но Генрих велел ему ждать в коридоре.

В кресле за дверью сидел седой широкоплечий человек. Он был в белой рубашке. Пиджак висел сзади на спинке. Напротив седого, тоже в кресле, возле круглого стола, какой-то лохматый, в легкой желтой куртке.

Как только вошли, широкоплечий сразу встал и повернулся к ребятам.

— А-а, Вовка! Очень приятно. А ну, садитесь, кто куда может.

Мальчики стеснительно усаживались на края стульев. — Это что за молодой человек с хохолком? — широкоплечий протянул руку.

— Лопатин, Витяй. По правильному — Виктор, — хрипло проговорил Витяй.

— Отлично, а тебя?

Расспрашивая ребят, он быстрым взглядом рассматривал то одного, то другого и, видно, что-то прикидывал про себя.

— Вам уже говорили? Будем пробовать на роль Вовки. Боевого парня. — И он рассказал, что картина будет про то, как мальчишки, которым надоело го-

нять по улицам, решили превратить двор своего жилмассива в настоящую площадку. Для этого им пришлось немало побороться с упрямым комендантом Некашкиным и даже, тайно удрав ночью из квартир, удивить к утру своей работой взрослых. А заводилой всего был Вовка, которого и представляло играть одному из мальчиков.

Широкоплечий рассказал все это, пылливо взглянул на ребят и спросил:

— Ну, как?

— Ничего, пойдет, — сказал рыжий.

— Я про это в «Ленинских искрах» читал, — сказал Витяй.

А мальчишка с Петроградской ничего не сказал. Он только вздохнул. Видно, ему очень хотелось быть Вовкой.

— Читать все умеют?

Ребята прыснули. Этот не такой важный, как толстяк.

— Ну, так вот. Потом дадим вам сценарий, а завтра будем вас пробовать, то есть, снимать на пробу. Вот наш главный оператор Маг, — и он, действительно, маг и волшебник. Лягушку может красавицей сделать.

Лохматый в курточке встал и смешно раскланялся. — А это — Владимир Павлович Чукреев, главный режиссер-постановщик, — представил он в свою очередь широкоплечего.

Вот так так! Оказывается, одуванчик, который важничал, вовсе не был самым главным. Мальчишки заулыбались. Все это время в туманном стекле двери Витяй видел приплюснутую кнопку Лешкиного носа. Лешку, вероятно, раздражало любопытство. В конце концов он переусердствовал — дверь неожиданно отворилась, и Лешка влетел в комнату. Он тут же отскочил назад и снова притворил за собой дверь, но Чукреев успел заметить перепуганную физиономию и спросил:

— Кто это?

— Это мой товарищ Лешка, — розовея до ушей пояснил Витяй. — Мы с одного двора. — И, совсем покраснев, выпалил: — Мы вместе пришли. Мы всегда вместе!

— Понятно, — кивнул головой главный режиссер. — Пусти его, Генрих.

— Мы его в массовку записали, — сказал Генрих и, открыв двери, поманил Лешку.

Тот вошел, теребя свою кепчонку и, ссутулясь, встал у двери. Чукреев кинул на него быстрый взгляд и продолжал:

— Значит, завтра всем быть здесь в половине десятого. Пропуска оставим на каждого. Проследи, Генрих.

Генрих еще раз стал сверять фамилии. Лешка смотрел на Витяя собачьими глазами.

— Можно нам на двоих? — спросил Витяй.

— Что поделаешь, — развел руками Чукреев.

— Бюро пропусков в конце двора, — сказал Генрих. — Смотрите не опаздывайте.

Но кто же станет опаздывать?! Дураков нет!

В разных квартирах, на разных лестницах, в эту ночь плохо спали Лешка и Витяй.

То Лешка оторвется от подушки, глянет в окно. Уже светает. Не пора ли? То Витяй спустит ноги с постели и босиком к комоду. Что-то слишком мало времени. Приложит будильник к уху и слушает — не замедлился ли ход.

Утром — чуть солнце — бах-бах в дверь.

— Кто это? — кричит Витяй.

— Я! Лешка! Заспался. Открывай скорей!

Витяй спрыгивает с кровати и стремглав к двери.

— Неужели опоздали?

— Нет еще. Могли бы...

Лешка в чистой рубашке. Даже, кажется, шею хорошо вымыл.

— Сколько сейчас?

Витяй видит, что Лешкины ботинки начищены до блеска. Ну и постарался же! Витяй осматривает свои и вздыхает. Эти так не вычистишь.

Одевшись, он посмотрелся в зеркало на комоде и сам себе не понравился. Маленький, с дурацким хохломом и на переносице веснушки чуть не с копейку. Откуда и берутся каждое лето?! Хоть постричься бы, да мать денег не оставила. Только доехать и есть.

Около восьми они выходят из дому. Во дворе, на беду, уже ребята.

— Эй, куда вы?

— Так, дело есть!

Лешка дергает его за рукав и прибавляет шаг.

— Пошли скорей. Еще увяжутся...

Как ни старались убить время, на студию пришли рано. Возле барьера, где проходят на студию, пришлось ждать с полчаса. Скоро собрались и другие мальчишки, первым пришел тот, похожий на Витяю. За ним — рыженький. Наконец показалась вчерашняя Светлана. Она сказала:

— Пойдем в пятое ателье.

И снова, как вчера, шли коридорами и лестницами. Потом прошли сквозь большую железную дверь и очутились в ателье. Оно оказалось огромным, как рынок. Посреди на бетонном полу стояли прожекторы на треногах с колесиками и светили на стол и два стула. За ними поставленные углом щиты изображали стены. На столе лежали бумаги и портфель, а на стене висела диаграмма «График текущего ремонта д. х.» В общем, совсем так же, как у них в жилконторе.

Мимо стола туда и сюда прохаживался ярко освещенный Одуванчик. Знакомый всем Генрих то так, то эдак передвигал стулья. Маг, который сегодня тоже надел рубашку с короткими рукавами, сидел в железном кресле, наподобие таких, какие бывают на механических катках, которыми равняют асфальт. Он смотрел в глазок огромного аппарата, нацеленного на стол, а два молодых парня двигали его вместе с аппаратом вперед и назад.

Тут же, заложив руки в карманы пиджака, прогуливался Владимир Павлович Чукреев. Увидав мальчишек, он сразу же пошел им навстречу.

— Ага, приветствую! Стало быть, все явились. Идемте-ка сюда!

Он отвел ребят в сторону, уселся на стул и велел всем сесть против себя. Потом посмотрел на них и стал рассказывать, каким парнем должен быть Вовка.

— Сейчас мы вас будем снимать, — заявил он, окончив свою речь. — Вы аппарата не бойтесь, а смотрите в него и говорите, как с человеком. И вообще не волнуйтесь. Кто не станет Вовкой, беда не велика! Впереди — вся жизнь.

Чукреев подозвал Генриха и велел ему раздать ребятам тексты, которые надо выучить. Потом он пояснил:

— Мы вам дадим два эпизода, то есть сценки. Во второй будет участвовать комендант Некашкин. Придет актер, и вы станете сниматься с актером.

Генрих раздал листки со словами, которые были напечатаны на машинке. Лешке листка не дали, но он заложил руки за спину

и сделал такой вид, будто не стал бы играть Вовку, даже если бы его уговаривали.

Не прошло и пятнадцати минут, как Витяй на зубок знал все, что ему нужно было говорить. Это для него были совершенные пустяки, потому что он, например, поглядев раз в кино «Карнавальную ночь», наизусть запомнил, что там болтал выпивший лектор, и даже показывал его ребятам.

Генрих подвел его к толстому и сказал, что Витяй уже знает текст.

— Хорошо, — кивнул тот. — Давай попробуем. Генрих, покажи ему, где стоять.

Сам толстяк уселся за стол, на котором лежали бумаги, а Витяя поставили напротив.

— Стой вот тут. Представь, что это перед тобой комендант Некашкин, а ты уговариваешь его устроить для ребят площадку. Запомнил текст?

— Запомнил, — твердо сказал Витяй.

Все на него уставились. В ателье сделалось тихо. Витяй проглотил слюну и начал. При этом он не узнавал своего голоса. Будто говорил не он, а вставленный ему в рот динамик. Одуванчик поглядывал на бумажный листок, который положил перед собой и отвечал Витяю за коменданта. Но как Витяй не силился, а представить, что перед ним сидит комендант, не мог. И все-таки толстяк сказал:

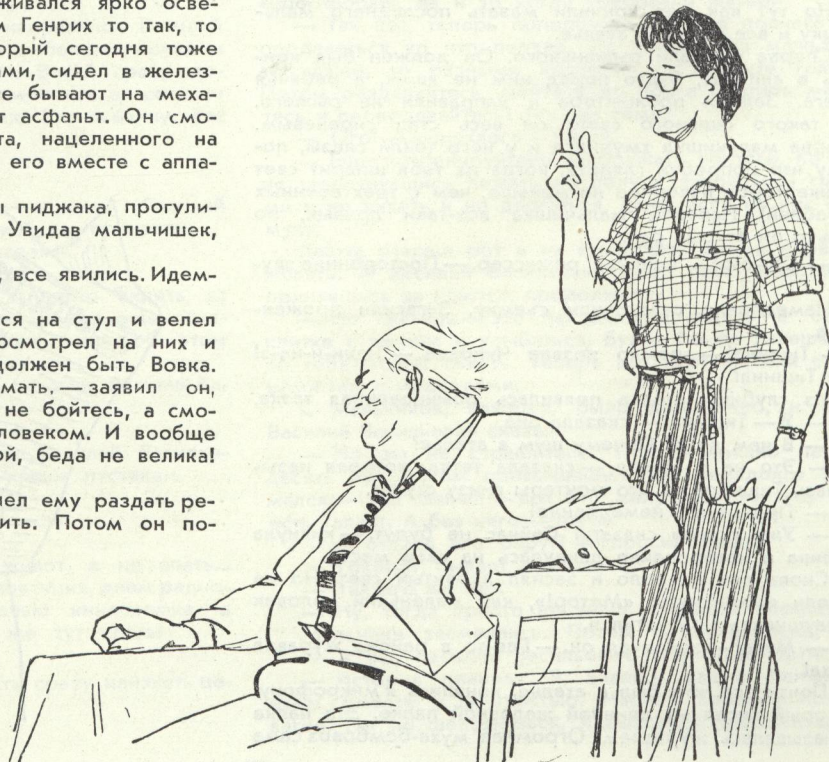
— Ладно. Думаю, с актером пойдет!

Потом он то же самое проделывал с другими. С рыженьким бились долго. Он очень торопился, путал слова и так размахивал руками, что Генрих пообещал ему их связать.

Затем пробовали вторую сценку. Потом еще несколько раз повторяли для главного режиссера. Витяй почувствовал, что скоро захочет есть.

— Готовиться! В примерную! — скомандовал Владимир Павлович, прослушав всех.

В примерной пахло чем-то сладким и щекотало в носу. Там стояли кресла, на которых можно было

крутиться. Вместо стен кругом зеркала. Возле них на стеклянных полках всякие цветные баночки и флакончики и разного цвета усы, бороды и целые прически. Так вот зачем был нужен студии тот самый человеческий волос!

Девушка в белом халате усадила Витяя в кресло и намазала его светло-коричневой краской. Нос его перестал блестеть, но веснушки выглядывали по-прежнему. Витяй хотел было попросить, чтобы ему приклеили хохолок, но не решился.

Он только спустился с кресла, как из соседней гримерной явился рослый дядька в задранной на затылок поношенной шляпе и при этом в косоворотке и морском кителе. Под носом рыжей щеточкой усики, а глаза круглые, удивленные. Поднял руку и говорит:

— Привет всей команде!

Витяй только посмотрел — так и прыснул со смеха. Откуда только взялся такой?! И вдруг видит — как же это сразу не догадался! Да ведь это самый смешной артист. Его каждый мальчишка в городе знает. Как только он покажется на экране — все уже заранее хохочут. А тут, подумайте-ка, живой, совсем рядом! Вот выпятил грудь и спрашивает:

— Ну, как я, а?

— По-моему, нормально, Василий Васильевич, — говорит Генрих.

— А это и есть ватага?

— Это три Вовки на пробу с вами.

— Все хорошие парни, — кивнул Василий Васильевич.

И тут только Витяй понял, что это и есть тот самый артист, который будет играть коменданта Некашкина! Ну и попал же он, Витяй, в историю! Да ему и слова не вымолвить рядом с таким артистом. Как посмотрит на него, так и начнет хохотать... Витяй только хотел поделиться этим с Лешкой, но лишь взглянул на него и видит — Лешка замер с дурацкой улыбкой и не мигая глядит на Василия Васильевича. Наверное, сам не верит, что с ним в одной комнате очутился.

Но тут как раз кончили мазать последнего мальчишку и все пошли в ателье.

Сперва снимали рыженького. Он должен был кричать в аппарат, будто перед ним не ящик, а ребячья ватага. Зажгли прожектора и направили на рыжего. От такого сильного света он весь стал сиреневым. Сперва мальчишка хмурился и у него текли слезы, потому что попробуй глядеть, когда на тебя шпарит свет прожекторов наверное не меньше, чем с трех военных кораблей! Наконец мальчишка все-таки привык, но только он открыл рот...

— Сто-о-п! — крикнул режиссер. — Посторонние звуки!

Немедленно остановили съемку. Загасили прожектора.

— Тишина! — громко позвал Чукреев. — Тиши-и-на-а! Где Тишина?

Из глубины ателье появилась обыкновенная тетка.

— Я — Тишина! — сказала она.

— В чем дело? Почему шум в ателье?

— Это не в ателье, — сказала тетка, которая называлась Тишиной. — Это монтеры внизу стучат.

— Прекратить немедленно!

— Уже пошли сказать! Сейчас не будут, — кивнула Тишина и неторопливо двинулась на свое место.

Снова все замерло и засиял ядовитый свет. Но не успели и крикнуть: «Мотор!», как маленький человек с наушниками засуетился.

— Муха! — закричал он. — Где-то в районе журавля муха!

Почти все, кто был в ателье, кинулись к микрофону, который висел на длинной железной палке. Эта палка и называлась журавлем. Огромная муха-бомбовоз сама

покончила с собой. Она бросилась на раскаленное стекло прожектора и сгорела. Съемка началась. Маг, который сидел в своем железном кресле, опять уткнулся в аппарат. Но лишь только рыженький проговорил несколько слов, Маг глухо крикнул:

— Кто там в кадре посторонний?

Ну и досталось же рыжему! Оказалось, Лешка, которому было до чертиков интересно поглядеть, как это и откуда снимают, обошел кругом декорацию и, высунув свой нос из-за щита, попал на пленку. Витяй решил, что теперь Лешку обязательно прогонят из студии и заступиться за него не удастся. Но Чукрееву, видно, было не до него, и Лешка, мгновенно исчезнув, запрягся так надежно, что теперь его не только в кадре, но и во всем ателье было бы не отыскать!

Рыжего снимали, наверное, целый час, а то и дольше. Однако, Витяю повезло: когда очередь дошла до него, «стоп!» кричали только три раза. И все-таки от жары волосы Витяя сделались мокрыми. Каждый раз, когда останавливали съемку, девушка в белом халате стирала ему пот с носа. Как только выключили прожектора — пришла прохлада, и Витяй почувствовал, что, действительно, очень хочет есть. Объявили пере-рыв, и стало ясно, что отпустят их сегодня не скоро.

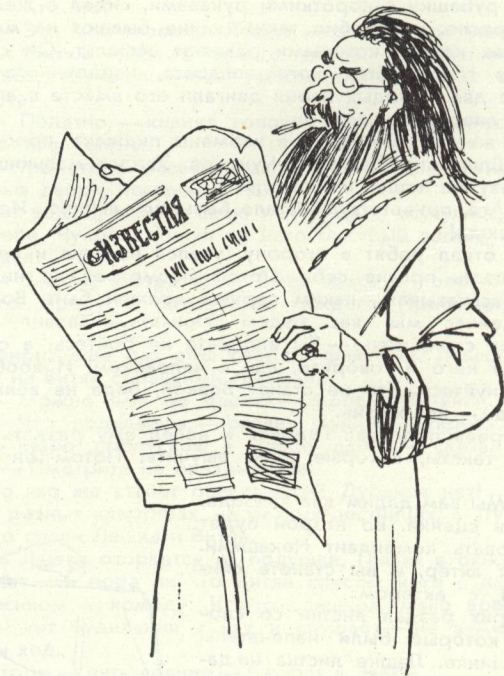
Оказалось, что петроградского мальчишку и рыжего во дворе ожидали матери, и они побежали хвастаться тем, что их намазали коричневой краской.

Ателье разом опустело. Откуда-то из темной дали объявился Лешка.

— Ну, как я? — спросил его Витяй.

Лешка, как всегда, пожал плечами, — дескать, ничего такого, нормально. Могло быть и лучше.

Прошлишь по ателье. И тут, в стороне, Витяй увидел дремлющего в удобном кресле Василия Васильевича. О нем все, видно, позабыли, и он спокойно спал, дожидаясь своей очереди. Наверное, Василий Васильевич привык к таким штукам, потому что лишь мальчишки приблизились к нему, приоткрыл глаза и спокойно спросил:

— Что, перерыв?

Витяй ответил. Знаменитый артист кивнул, потом, раскинув руки, потянулся и встал. Поглядев сверху вниз на Витяя, он сказал:

— Слушай, коллега, ведь ты, наверное, давно тут страдаешь. Не пойти ли нам подкрепиться?

Понятно было, что Василий Васильевич зовет его поест за компанию.

— Не. Я не хочу.

— Врешь, — ласково сказал Василий Васильевич, — хочешь. Пойдем. Пригодится. Поверь, я их знаю. Они еще долго нас терзать будут.

Витяй молчал.

— Пошли! — повторил Василий Васильевич. — Я угощаю. У меня на двоих хватит. — Потом он поглядел на Лешку, который стоял тут же наготове и добавил: — Вы что — вместе?

— Это мой товарищ. Мы с одного дома.

— Так за чем дело стало, — артист смешно подмигнул. — Пошли все! Поделится по-приятельски.

Лешка слегка подтолкнул локтем друга. «Соглашайся, мол, чего там!..»

Василий Васильевич обнял Витяя за плечи, и они пошли. Лешка бесшумно поплелся сзади.

Столовая была как столовая — ничего особенного. Пахло жареной рыбой и кислыми щами. Сквозь прорезанные в стене окошки виднелись распаренные тетki в белых куртках, в стеклянной будке сидела кассирша. Но вот народ тут обедал такой, что ни в каком другом месте не сыщешь. За столиком возле буфета сидел рыжебородый извозчик в цилиндре и ел компот, а в очереди в кассу стоял высоченный, очень важный поп с длиннющими волосами и серебряным крестом на груди. Вдруг к нему подбежал царский генерал весь в орденах с эполетами на плечах и, крикнув: «Опаздываем, Александр Иванович ругается!» исчез в дверях. Поп забыл о своей важности, поднял рясу, под которой оказались узенькие брюки, и кинулся след за генералом. За ними, оставив недоеденный компот, побежал извозчик.

Напротив столика, к которому направился Василий Васильевич, сидел большой дядька в белом парике и кафтане с кружевными манжетами. Витяй сразу догадался, что это был Ломоносов. Ломоносов ел сосиски с горчицей. Он поклонился Василию Васильевичу. Тот ответил кивком и сказал:

— Здравствуй, Дима!

Уселся за свободный стол.

— В одном классе учитеесь? — спросил Василий Васильевич, отпив лимонада, который им принесли. Мальчишки дружно боднули головами.

— Друзья — не разлей водой? Да?

Это было здорово — вот так запросто сидеть за столом с самим Василием Васильевичем да еще потягивать сладкую крем-соду. Расскажи они об этом во дворе, — так бы им и поверили!

— Артистами думаете стать? — спросил Василий Васильевич.

— Неплохо бы! — сказал Лешка.

— За чем дело стало! — кивнул Василий Васильевич. — Надо только научиться кое-каким пустякам.

— Каким?

— Ну, например, не спать и не есть.

— Как же?

— Не есть, чтобы не вырос живот, а не спать... Ну, скажем, будет у тебя утром репетиция, днем радиопередача, вечером спектакль, ночью киносъемка, а утром — опять репетиция! Когда же тут спать?

— Сильно, — вздохнул Лешка.

— Ну, еще научиться запоминать сразу наизусть целую книгу.

— Зачем же сразу всю?

— Бывает, в театре случается. Надо выручать. Потом, — вот... — Василий Васильевич проглотил кусок шницеля и спросил:

— Вы по сколько раз в день переодеваетесь?

Витяй и Лешка переглянулись. Они вообще не переодевались. Разве только, вернувшись из школы, снимали форму, да и то когда требовали матери.

— Так вот, теперь попробуйте каждые полчаса переодеваться во что попало. Да всякий раз мажьтесь, то сажай, то разными красками, и пудрите голову. Потом раздевайтесь, мойтесь до пояса и опять мажьтесь и переодевайтесь! Так раз семь.

— Ого! — вырвалось у Витяя.

— Еще потренируйтесь изображать убитого, по часу не шелохнувшись лежать на полу с закрытыми глазами и не чихать и не дергаться, даже если на нос села муха.

Лешка открыл рот и на некоторое время перестал жевать. А Василий Васильевич доел свою порцию и, принявшись за компот, продолжал:

— Но главное — это наловчиться сидеть в одной клетке с тигром и улыбаться, будто бы не знаешь, что он тебя может съесть. Теперь все картины или с тиграми или с медведями.

С мальчиков, кажется, было достаточно, и тогда Василий Васильевич сказал:

— Но вы не страшитесь. Тяжело только первые десять лет, потом привыкаешь. — Он ненадолго задумался. — Да! Забыл — все это получится только, если есть талант. А без него — труба.

— А откуда его берут? — спросил Лешка.

— Говорят, бывает от бога.

— Так его же нет?

— Ну, тогда просто не знаю, откуда и берется.

Мальчики засмеялись. Потом Витяй спросил:

— А вы, Василий Васильевич, как стали артистом?

— История длинная. Я, знаешь, как в Ленинград ехал? Вместе с живностью. Набили баранов полный вагон. Им не шелохнуться. Я вызвался провожать. За-

брался им на спины. Зимой было дело. Стужа! А у меня тужурочка, что называется, «на рыбьем меху». А тут — на бараньих шкурах тепло. Так и доехал. Ну, кое-как на рабфак поступил. Школа была такая для рабочих и крестьянских парней, у которых образования до института не хватало. Вечером учился, а днем в порту мешки таскал. Денег-то у меня, вроде как у вас сейчас, было.

— А потом — в артисты?

— Не сразу. Меня сперва брать не хотели. Я по-нашему, по-вятски вякал. Для театра это не годится. Ну, потом попотел и научился правильно говорить, и приняли в институт.

— В инстит-у-ут? — удивленно протянул Лешка.

— А есть такой — на артиста? — спросил Витяй.

— Есть, и не один. Пять лет учиться надо и все это время неизвестно, выйдет ли из тебя что-нибудь.

— Вы теперь народный артист?

— Такое звание дали.

— Ре-Се-Фе-Се-Ре?

— А Се-Се-Ре — будете? — поинтересовался Лешка.

— Кто его знает.

— Это самые главные артисты, которые народные Се-Се-Се-Ре и еще лауреаты, — сказал Лешка.

— Главных артистов нет. Не будешь работать — провалишь одну роль, другую... и, хоть «международный», — не поможет.

— А бывают международные артисты?

— По таланту бывают, но звания такого пока нет. Может, еще будет. Василий Васильевич позвал официантку и стал с ней рассчитывать, а Витяй подумал о том, что, беседуя с артистом, он совершенно не стал замечать его смешного грима. Как будто даже не было забавного вида коменданта с рыжими усами.

Когда вернулись в ателье, их уже ждали.

— Давай, Вася, с этим хохластым, — кивнул им Чуcreев.

— Репете! — хлопнул в ладоши Одуванчик.

Василия Васильевича усадили за стол.

И вот их уже снимают.

— Приготовились! — кричит Чуcreев. — Свет! — Мотор!

Витяй стоит перед Василием Васильевичем и требует устроить во дворе площадку для ребят.

— Какую еще там площадку, товарищи дети? — удивляется Василий Васильевич.

И вдруг. Витяй замечает, что добрый Василий Васильевич куда-то исчез, а за столом сидит живой комендант Некашкин. Конечно, это он, самый настоящий... Глаза выпученные, рот полуоткрыт. Смотрит на Витяя и не понимает, что тому от него нужно.

Витяй даже не заметил, как и сам, превратившись в Вовку, стал наступать на упрямого коменданта. Витяй забыл и про резкий свет и про то, что на него смотрят все, кто есть в ателье.

— Сто-о-п! Хорошо! — кричит Чуcreев. — Еще раз! Дубль!

И хотя дело, кажется, действительно идет неплохо, Витяя с Василием Васильевичем снимают четыре раза подряд. Наконец Владимир Павлович удовлетворен.

— Молодец! — говорит он Витяю, потрепав его за хохолок. — Сегодня ты свободен.

Он прощается с Витяем. Подоспевший Лешка тоже сует свою руку.

Витяй едва держится на ногах. Так он не уставал никогда в жизни, а пот из него, наверное, вытек весь, какой был. Одна соль на губах осталась.

Генрих распоряжается:

— Теперь — быстро в гримерную и домой. После завтра утром звони. Все узнаешь. — На листке из блокнота он крупными цифрами записывает два телефона и, вырвав листок, вручает его Витяю.

— Не потеряй.

Сверху на листке напечатано:

Кинокартина «Ватага с нашего двора»

Это уже кое-что! Это уже можно и разным неверам во дворе показать! Лешка завистливо косится на листок. Ему бы такой!

И снова беспокойные ночи и снова не спится Витяю.

На второе утро все так же, как тогда. Опять чуть свет является Лешка и они с трудом дожидаются часа, когда уже можно действовать.

Потом вместе идут к автомату на Суворовский и выбирают будку, где аппарат поновой. Вдвоем залезают в будку. Лешка притворяет за собой дверь и держит так крепко, что можно подумать, кто-то у него ее тянет.

Оба номера все время заняты. В трубке только и слышатся писклявые короткие сигналы. Жарко так, что можно задохнуться. Но им не до этого. Витяй только и знает, что опускает и вынимает монету.

— Ну, что? — всякий раз спрашивает Лешка.

— Пи-пи-пи... — растерянно сообщает Витяй.

Снаружи уже собираются люди, которым нужно звонить. Какая-то тетка стучит по стеклу двухкопеечной медяшкой. И вдруг... О, счастье! Басовитый гудок. Еще один!.. Да, слушаю!.. — раздается в трубке.

— Кто говорит? — кричит Витяй.

— А вам кого нужно?

Лешку трясет, как в лихорадке, он дает Витяю тумача в бок.

— Это кино? Это звонит Лопатин Витяй... Виктор. Помните?

— А-а. Привет! — слышится в трубке. — Как здоровье? Как самочувствие? — Конечно же, это сам Владимир Павлович. Витяй сразу узнал его. — Все в порядке, товарищ Лопатин! Тебя у нас утвердили и будем снимать. Завтра утром приезжай с матерью! Нужно заключить договор.

У Витяя свело дыхание. Он не сразу соображает, что нужно говорить, но вдруг спохватывается.

— Завтра она в утро!

— Что в утро?

— Работает в утро.

— Ну, ладно. Мы сами потом приедем. А ты завтра к десяти сюда, в нашу комнату. Не опаздывай... Пропуск будет.

Лешка делает зверское лицо, усиленно мотает перед глазами Витяя двумя растопыренными пальцами и шипит:

— Два! Два! Два!

— Можно, чтобы пропуск на двоих? — просит Витяй.

— Ах да, я и забыл, что ты с адъютантом! — Чукреев смеется. — Хорошо. Оставим два. Все? Будь здоров.

В трубке снова короткие сигналы. Витяй не сразу ве- шает ее на рычаг.

Распаренные, словно они сидели в духовке, маль- чики вываливаются из будки. Витяй так подавлен ус- лышанным, что даже не знает, надо ли ему радо- ваться.

— Взяли, — произносит он сорвавшимся голосом. Лешка с места:

— Знаю. Теперь зазнаешься.

— Я?! — от удивления Витяй замигал глазами.

— Ага!

— А раньше я зазнавался?

— Раньше не с чего было.

— А когда у меня фонарик китайский был, я да- вал тебе его светить или зазнавался?

— Ну, давал.

— А «Куклу с миллионами» — про шпионов, из библиотеки с материной работы, вместе читали или я зазнавался?

— Ну, читали...

— Эх, ты...

— Ну ладно... — примирительно соглашается Леш- ка. — Я так, чтобы ты один не уходил.

Но что там говорить с Лешкой! Витяй торопился сообщить сногшибательную новость матери. Она се- годня дома. Витяй сквозняком влетел в квартиру, оста- вив настежь дверь на лестницу.

— Ма-а-а!.. Меня взяли!.. Самый главный режиссер сказал. Вот сила, да? Тебе деньги платить будут... Сами на машине приедут, договор писать.

Мать не могла скрыть улыбки. Но тут же махнула рукой.

— Ну уж, и деньги еще...

— Здорово, да? — все еще не мог успокоиться взволнованный событиями Витяй. — Из всех выбрали одного.

Мать серьезно поглядела на него и сказала:

— Ты вот что. Завтра все чистое надень. Носки те, новые, безразмерные...

— Мне бы постричься, — Витяй пригладил вниз свой хохолок.

Мать ничего не ответила, взяла с комода сумочку, отсчитала три монетки.

— Хватит?

— Сорок копеек? Ого, еще как!

Наскоро проглотив молоко с булкой — без этого мать не пускала, — Витяй пулей из дому. Какая парик- махерская получше? Конечно, та — в доме со срезан- ным углом. Самая большая.

Воздух в парикмахерской крепкий. Будто его специ- ально накачивали одеколоном. Сидит очередь небритых дядек. Никто ни с кем не разговаривает. Некоторые молчат просто так. Другие читают давно растерзан- ные журналы. Витяю не до чтения. Ему не терпится на месте, а очередь, как назло, движется медленно. Витяй заскучал и замечтался. Вдруг:

— Следующий!

Дядьки переглядываются, потирая небритые под- бородки. В дверях толстуха в белом халате, ноги в красных тапочках. Витяй понял: его очередь, и вско- чил со стула.

Толстуха — шлеп-шлеп тапочками, — повела его за собой и усадила в мягкое кресло. И спросила:

— Как нужно?

В кулаке под простыней он сжимал согрешшиеся монеты. Он был готов отдать все сорок копеек, лишь бы его сделали покрасивее.

Загудела электромашинка, на простыню кистями по- дтели будто чужие волосы. Всякий раз, когда Витяй

делал попытку взглянуть в зеркало, парикмахерша с силой нагибала его голову вниз.

Наконец ему было позволено выпрямиться. Голова приобрела довольно приятный округлый вид. Правда, больше топырились в стороны уши, но это было пустя- ком в сравнении с теми вихрами, что торчали еще де- сять минут назад.

— Все? — спросила толстуха, глядя в зеркало на свою работу.

Витяй посмотрел на себя. Хохолок все еще торчал. Витяй высвободил руку из-под простыни и привычно пригладил его вниз.

— Что, мало? Давай еще срежем, — сказала парик- махерша, и ножницы заплясали над головой Витяя.

Упорный хохолок все не сдавался и выпирал ма- леньким рогом. Витяй вздохнул.

— Хорошо. Я тебе сделаю ежиком, — сказала па- рикмахерша.

И стала стричь снова. Стригла ножницами и ма- шинкой до тех пор, пока голова Витяя не сделалась круглой и ровной, как маленький арбуз. Лишь впереди тупоносой подковкой перился аккуратный ежик.

Витяй был счастлив. Он подумал о том, как хорошо бы еще снять веснушки. Где-то он читал объявление, что и это делают в парикмахерских, но на такую опе- рацию, да еще вместе со стрижкой, наверняка не хват- ило бы сорока копеек, и он только сказал:

— Спасибо.

Толстуха взяла щетку, стряхнула с его головы остат- ки остриженных волос и развязала простыню:

— Денег у тебя хватит? Фасонной стригла. Фасон- ная дороже.

Витяй разжал кулак и показал, сколько у него денег.

— Много. Двадцать копеек заплатишь, — кивнула парикмахерша и вручила Витяю разграфленный лист бумаги. — В кассу...

Разве это много — двадцать копеек за ту красоту, которую он здесь приобрел? Попробовали бы теперь потягаться с ним тот рыжий или маленький с Петро- градской!

Точно в назначенное время Витяй вместе с Лешкой явились на студию.

Витяй был великолепен. Даже Лешка, склонный ко- всему относиться критически, не мог не признать пре- восходства товарища.

— Торчишь, как штык, — сказал он.

Витяй, в самом деле, был неотразим. На нем ладно сидела курточка, которую надевал только по праздни- кам. Мать потрудились и так отгладила ему брюки, что складки были остры, как ножи. Ботинки тоже но- вые, надетые только в пятый раз. Из-под курточки выглядывала веселая клетчатая рубашка. Шея еще вчера старательно намыта. Сквозь надетый на голову берет пробивался стойкий запах одеколона.

Первый, кого они встретили еще на лестнице, был Василий Васильевич. Он тоже сегодня приоделся и был в костюме с галстуком.

— Слышал — утвердили. Поздравляю! — протянул он руку Витяю. Потом оглядел его с головы до ног.

— Хоро-о-ш!

Когда вошли в комнату, где их уже ожидали, Свет- лана даже всплеснула руками:

— Ах, до чего элегантный!

В своем ослепительном виде Витяй предстал перед Чукреевым, снял берет и, поклонившись, как учили в школе, сказал:

— Здравствуйте!

И вдруг, как будто в шутовском зеркале, у всех, кто был в комнате, одновременно вытянулись лица. Владимир Павлович Чукреев вскочил со стула и так посмотрел на Витяя, что можно было подумать, уви-

дел зашедшего на студию ихтиозавра. Он хотел что-то сказать, но только открыл рот и, не произведя ни звука, снова опустился на стул. Глаза Генриха, казалось, пробьют зеркальные очки и вот-вот выскочат наружу. Толстый — Одуванчик — застыл с обалделым выражением лица. Маг окаменел в кресле, резко повернувшись в сторону Витяи, а Светлана негромко ахнула и сжала руками голову.

Витяй понял, что произошло что-то страшное. Но что?

Немая картина продолжалась несколько секунд. Одним прыжком рослый Чукреев очутился около Витяи и, ткнув пальцем в его надушенный ежик, хрипло, как будто от ужаса лишился голоса, крикнул:

— Кто? Кто это сделал?

Витяй погладил себя по ровному месту, где еще вчера торчал нелепый хохолок.

— Я... Я сам, — запинаясь произнес он и понял, что натворил что-то неладное.

Владимир Павлович заходил по комнате. Он гневно сверкал глазами на всех, кто в ней был.

— Чудовищно! Феноменальная бестолковщина... Нелыханный идиотизм! Кто проглядел?! Кто не предупредил?

Одуванчик и Генрих сделались красными, как маки. Молча они уткнулись глазами в пол.

— Ты видишь, Маг... Ты видишь? И я годами работаю с такими помощниками!.. Режиссеры, ассистенты-деятели!.. — выкрикивал Чукреев уже не грозным, а скорее плачущим тоном. — Ах, какой материал сгубили. Что это была за славная физиономия с хохолком! Григорий Михайлович, когда я ему показывал пробу, смеялся, как ребенок... А что это теперь — образцовая английская школа, ребенок — мечта классной воспитательницы, гогочка-мальчик!? Нет, не могу!.. Всё намарку!.. Ну, куда мы с ним теперь?!

Сердце Витяи провалилось к подошвам новых ботинок и больше уже не поднималось. Поняв, в чем дело, он все еще гладил бывший хохолок, словно от этого волосы могли вырасти.

— Как это ты еще веснушки себе не стер? — спросил Маг.

Чукреев повернулся к Витяю.

— Сколько нужно отрачивать такой хохол?

Витяй пожал плечами. Откуда он знал. До вчерашнего дня он не стригся с половины лета.

— Месяц, не больше! — пришла на помощь Светлана.

— Месяц! — Чукреев свистнул, как мальчишка. — Месяц! Да что вы, милочка! Через месяц мы должны отнять триста метров! И так постыдно затанули. Не начнем через два дня — всех со студии прогонят. Меня первого. И правильно сделают. — Он немного помолчал и печально глядя на Витяю, продолжал: — Нет, увы, с этим другом придется расстаться. Возьмем того маленького... Завтра его снова на пробу! Сделать такие же веснушки! Да проверьте, а то еще явится и вовсе без головы.

На Витяю он смотрел так, будто хотел сказать: «Ну, брат, и подвел же ты меня! Никогда не ожидал от тебя такого». Другие на него не обращали уже внимания — только записывали, что говорил главный режиссер. Лишь стоящий у дверей Василий Васильевич —

он вошел сюда позже — глядел понимающе, по-товарищески.

И тогда Витяй, припомнив примерную, осмелел:

— Владимир Павлович, может, я в паричке?

Как ни был расстроен Чукреев, но и он не выдержал, рассмеялся вместе со всеми:

— Нет, брат, не выйдет. В кино вообще парики плохо получаются.

Тут вперед выступил Лешка, потрянул своими неостриженными вихрами и говорит:

— Может, тогда я выйду?

Но Чукреев только помотал головой и опять к Витяю:

— Очень и очень печально. Мы оба с тобой, что называется, погорели... Бывает.

— Мы их на эпизоды вызовем, — сказал Генрих.

Чукреев мотнул головой и, уже обернувшись к своим, скомандовал:

— С этим вопросом все. Давайте работать.

Генрих взял у Витяи пропуск и размахисто подписал его:

— Всего. Адрес у нас есть.

Уже в коридоре их догнал Василий Васильевич, обнял Витяю за плечи:

— Ты это, знаешь, не придавай большого значения... Тут и не то бывает. Меня раз три месяца в жаре в рыцарских латах снимали, лошадь в черный цвет перекрашивали, а потом на экране я только ее зад и увидел. — И артист пожал руки Витяю и Лешке.

Ни на остановке трамвая, ни когда ехали домой, не говорили ни слова. Но когда уже шли по Дегтярному, Лешку прорвало:

— И надо же тебе было подстригаться! — сказал он.

— А ты где был?

— Я — видишь какой.

— Так тебя не брали.

— И взяли бы — ничего не состриг, даже мыться бы не стал. Может им такой и нужен.

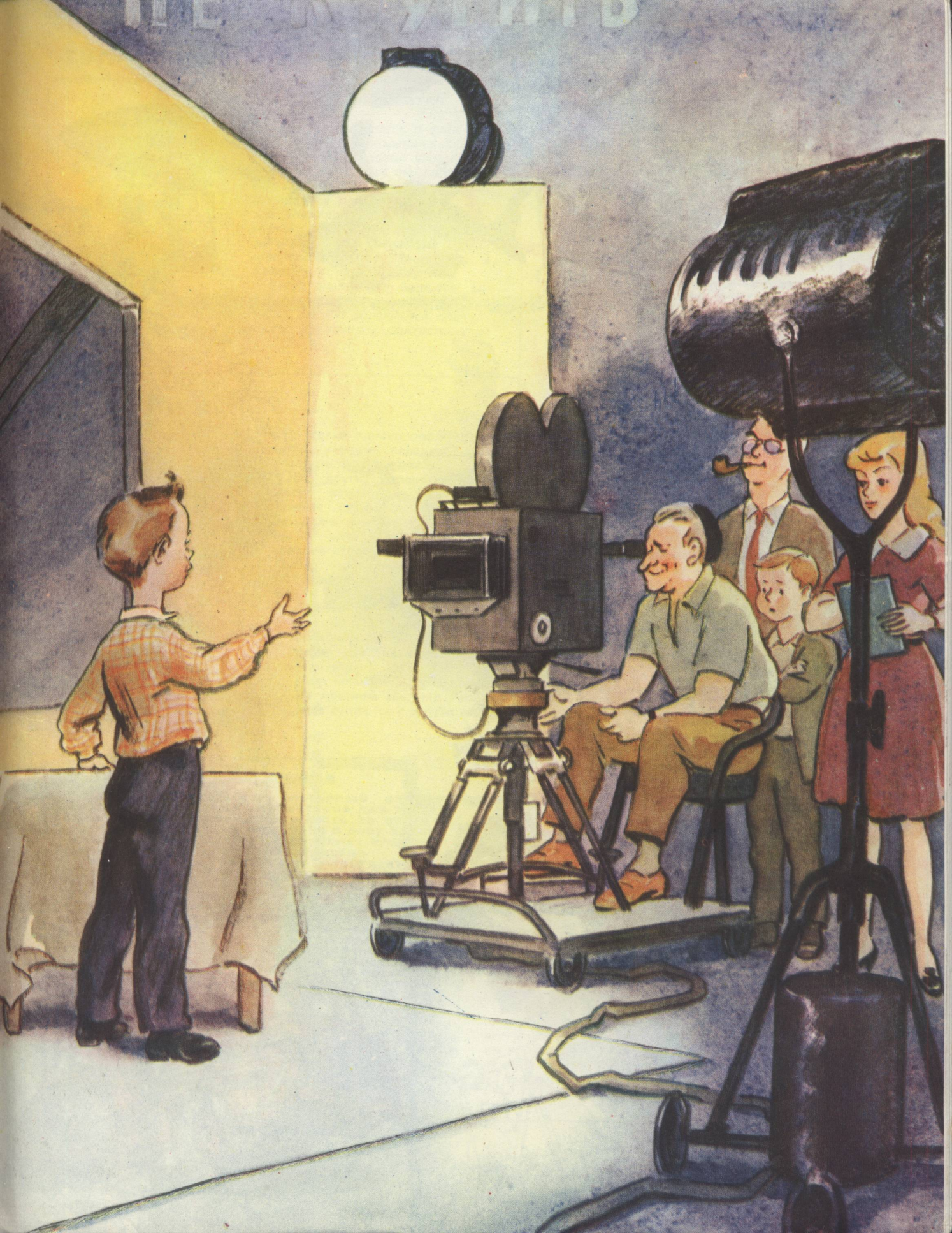
— Врешь ты все. Ты всегда потом очень умный бываешь, — отрезал Витяй и отвернулся, не желая продолжать разговор.

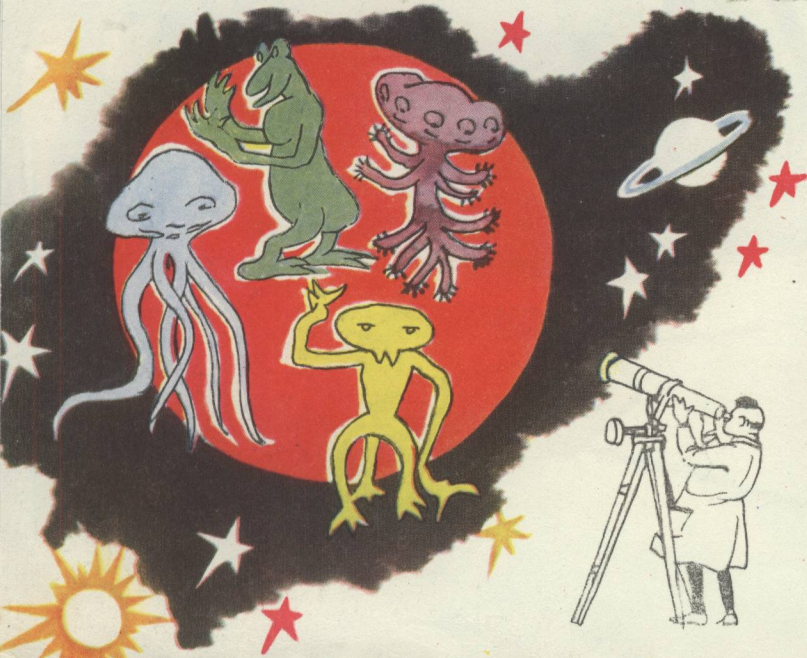
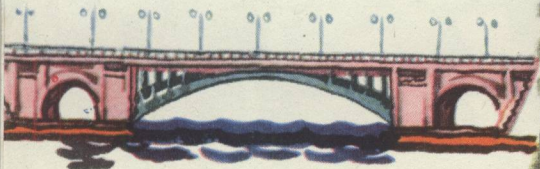
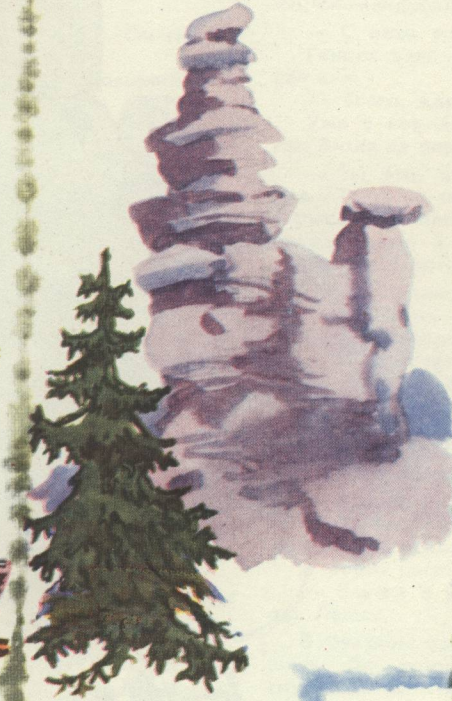
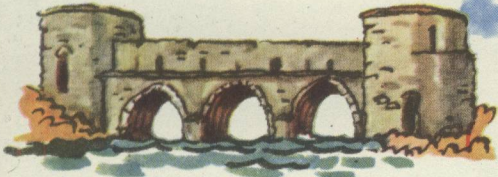
У ворот расстались.

— Завтра с утра засяду географию зубрить, — сказал Лешка.

В грустном одиночестве поднимался Витяй по лестнице. До второго этажа он все еще печалился о случившемся. Потом вспомнил, что Василий Васильевич, прежде чем стать народным артистом, грузил пароходы и пять лет учился в институте. Между третьим и четвертым этажами Витяй подумал о том, что мать, может, даже будет довольна тем, что его не взяли в кино. Ведь больше всего она хотела, чтобы он хорошо учился. Витяй решил, что будет в этом году приносить только пятерки и четверки. Пусть, если ей это так уж нужно!

Приближаясь к площадке пятого этажа, он уже приходил к заключению, что не очень-то и хотел сделаться артистом. Гораздо лучше, например, выучиться на космонавта. То ли еще увидишь! И уже совсем в неплохом настроении нажал кнопку звонка в квартиру.

ВЕТЕР — КАМЕНОТЕС

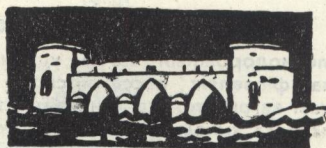
Ветер, солнце, песок и вода могут высверлить в каменных горных породах удивительные узоры, могут придать скалам форму зубчатой башни или отполировать ее, как шляпку гриба.

В знаменитом сибирском заповеднике «Столбы» много причудливых столбов — изваяний. В Кироводске есть «Кольцо — гора», в Крыму — «скала — гребенка».

Ветер поднимает мириады каменных песчинок и обрушивает

их на скалы. В известняках иногда образуются причудливые воронки, в глинистых песчаниках фантастические «рибы».

Вс. К.

КАКИЕ БЫВАЮТ МОСТЫ?

Много мостов построили люди. Каждый новый мост создавался по-своему и не был похож ни на какой прежний.

На цветном рисунке — старинные сооружения — мост-улица, мост-заस्ताва и современные мосты. Очень часто бывает так, что мост получает название... по наследству.

Большой Каменный — мост через Москва-реку. Давно уже перестроен, из каменного стал железобетонным, с аркой через всю реку. Старинным осталось только название.

В конце XVIII века в Англии не хватало мелкой разменной монеты. Большие промышленные предприятия получили тогда разрешение выпускать медные деньги, «токены», что значит по-английски знаки.

На многих токенах помещены изображения фабрик и их продукции.

В. Брабич

В статье одного польского ученого находим ответ на этот вопрос.

На других планетах могут встретиться разумные существа, чем-то даже внешне похожие на человека. Ведь есть же у ихтиозавра, акулы и дельфина в какой-то степени сходство, хотя первый относился к пресмыкающимся, вторая — к рыбам, третий — к млекопитающим. Непосредственного родства у всех трех нет, а сходство есть и вызвано средой обитания.

Может получиться, считает этот ученый, что разумные существа с других планет будут иметь выпрямленные фигуры, две руки, снабженные пальцами, два глаза... Но количество пальцев, устройство глаз и даже место расположения мозга могут быть иными, чем у человека.

На цветном рисунке изображены эти предполагаемые существа с других планет.

МОГУТ ЛИ ВСТРЕТИТЬСЯ ВО ВСЕЛЕННОЙ СУЩЕСТВА, ПОХОЖИЕ НА ЛЮДЕЙ?

Перевел с польского И. Агу

ОНЕЖСКИЙ ВЕЛИКАН

Болота, высокие пни, метровый снег — вполне преодолимое препятствие для трактора — тягача, который вы видите на соседнем цветном рисунке. Не только в лесу будет работать новая машина, она станет незаменимой и на прокладке нефтепровода.

Несколько лет работали конструкторы Онежского тракторного завода над проектом трактора «Онежец», и, наконец, машина выдержала испытание. Идти по снежной целине, брать большой груз, свободно взбираться в гору, если понадобится — стать лесовозом, перевозить лес по дорогам на специальном прицепе. Тягач должен был стать великаном, чтобы справиться со всеми этими задачами.

ли в море. Вернулись те, у кого сохранились органы обоняния. Значит, рыбы находят путь по запаху воды. И компас у рыб — обоняние.

РЫБИЙ КОМПАС

Лосось, кега, семга, горбуша мечут икру в родниковой воде мелких ручьев и речушек. Здесь выводятся мальки этих рыб и остаются «гулять», пока не подрастут. И

только молодые рыбы уходят вниз по течению реки в море.

Но вот опять настало время нереста, лососевые собираются большими косяками и устремляются к своим родным местам.

Как же находят рыбы обратный путь? Что служит им компасом?

Разгадать этот секрет помогли опыты. Одним рыбам, выловленным вблизи мест их нереста, удалили органы зрения, другим — органы обоняния, третьим — слуха. Затем выпустили их в море. Вернулись те, у кого сохранились органы обоняния. Значит, рыбы находят путь по запаху воды. И компас у рыб — обоняние.

П. Доильницын

БЕЗ КОЛЕС ПО РЕЛЬСАМ

Железнодорожный вагон удлинённой обтекаемой формы похож на фюзеляж пассажирского самолета. Небольшие крылья по бокам вагона только усиливают это сходство.

Четыреста километров в час! Такую скорость позволяют развить вагону реактивные авиационные двигатели. Крылья при такой большой скорости помогают воздушной подушке держать вагон над рельсами.

И фюзеляжем, и крыльями и двигателем бесколесный вагон похож на самолет. И все-таки он не улетает в небо.

Вагон скользит по рельсам на специальных полозьях. Между рельсами и полозьями — воздушная подушка. Сжатый воздух постепенно подкачивается в просвет между полозьями и рельсами. Образуется упругая воздушная подушка. Вагон без колес прост по устройству и дешев. Он может перевезти много пассажиров и грузов.

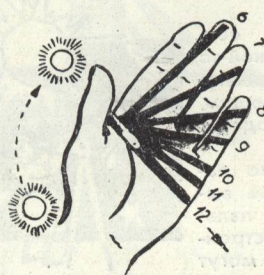

Сборник произведений Галилея в 208 страниц был издан однажды книгой размером в половину почтовой марки. Это одна из самых маленьких в мире книг на научные темы.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ НА РУКЕ

Стенные, карманные, песочные, ручные, солнечные... Каких только часов не бывает на свете! А вот скажи вам, что всегда носите при себе часы — не поверите.

И все-таки они у вас есть. В солнечный день по ним с шести

утра до шести вечера — можно узнавать время. Циферблатом служит наша ладонь, пальцы и сгибы пальцев. Зажмите палочку между указательным и большим пальцами — вот вам стрелка.

Пользоваться такими часами рекомендует своим читателям болгарский журнал для молодежи.

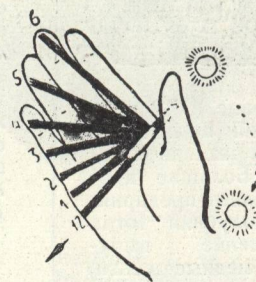
Утром поверните горизонтально ладонь левой руки так, чтобы пальцы были обращены в сторону запада.

В шесть утра тень от палочки-стрелки падает на последнюю фалангу среднего пальца; в семь утра — на последнюю фалангу безымянного пальца; в восемь часов — на последнюю фалангу мизинца; в девять часов — на среднюю фалангу мизинца; в десять — на первую фалангу мизинца; в одиннадцать — чуть ниже основания мизинца; в двенадцать — на линию сгиба ладони.

После обеда циферблатом служит ладонь правой руки. Пальцы обращены в сторону востока.

В двенадцать — тень падает на линию сгиба ладони; в час — между этой линией и основанием

мизинца; в два часа — на первую фалангу мизинца; в три часа — на среднюю фалангу мизинца; в

четыре часа — на последнюю фалангу мизинца; в пять часов — на последнюю фалангу безымянного пальца; в шесть — на последнюю фалангу среднего пальца.

В пасмурную погоду эти часы бездействуют.

Перевел с болгарского А. Агапов

НАД РЕКОЙ НА АВТОМОБИЛЕ

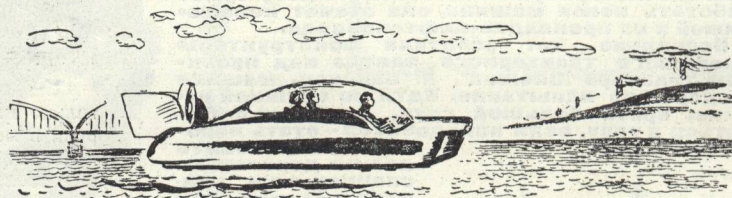
У подъезда стоит автомобиль. Водитель дает газ, и машина мягко трогается с места.

Ровную ленту асфальтированной дороги сменяет ухабистый проселок. Все равно: никакой тряски. Словно мы не едем по дороге, а плывем по воздуху.

А вот, наконец, и на самом деле плывем... Под нами — река.

Водитель не захотел сворачивать на мост, повел машину над речными волнами. Ведь наша машина не похожа на сегодняшний автомобиль. У нее нет колес. Ее держит над землей и над водой воздушная подушка.

Как образуется воздушная подушка? Мощный вентилятор засасывает воздух сверху и гонит его под кузов автомобиля. Часть сжатого воздуха обра-

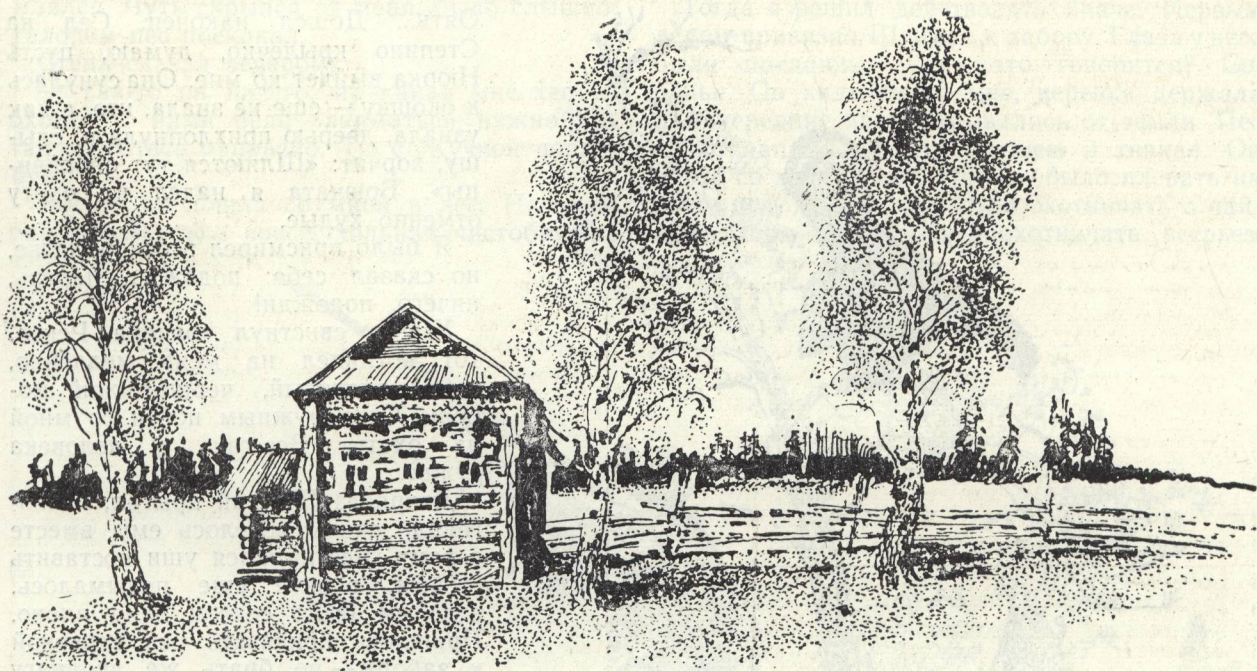

зует «воздушную завесу». Она не позволяет вытекать из-под кузова массу сжатого воздуха — той самой подушке, на которой держится машина.

Машина движется вперед с помощью воздушного винта. Так же, как самолет, аэросани и глиссер.

«Летающий автомобиль» можно назвать и «летающим судном». Над водой он мчится даже лучше, чем над землей.

Р. Федоров, Б. Юрков

ШАНХАЙ

Рассказ

Глеб Горьшин

Рисунки В. Курдова

Я нарушил сроки охоты. В сентябре убил глухаря. Он и песню свою не спел ни разу. Даже на зорьку слетать не успел, поскрипеть, поучиться песне у старых. Едва поднялся на крыло, большой, черноперый.

Сложил и вытянул длинный хвостиче, плавно прошел в вершинах и сел...

У меня не достало спокойствия уложить глухаря в мешок. Я припас — на случай трофея — авоську, так и до дому доехал с глухарем на виду, на ремне. Мне было двадцать лет. Я не мог спрятать большую птицу, убитую мной.

В Ленинграде, на Московском вокзале, груболицый и твердый мужчина потребовал мой охотничий билет. Потом меня вызвали в общество. Штрафу не взяли, только сказали прерительно: не охотник ты.

А все началось со Степных собак. Есть такой человек на Носке Степа Кряквин.

Помянул о Носке, не могу, оторвусь от рассказа. Сил нет не умилиться при самом этом звуке: Носок. Есть такое место, твердь земная, кряж, мыс разделяет Оять со Свирию. Торчком вдался в ровную низкую воду. Свирский обрыв изжелта белый, замытый и жесткий песчаник. К Ояти — покатым берег, обжи-

тый, избы, березы посажены вдоль порядка, большие, лет по семьдесят каждой.

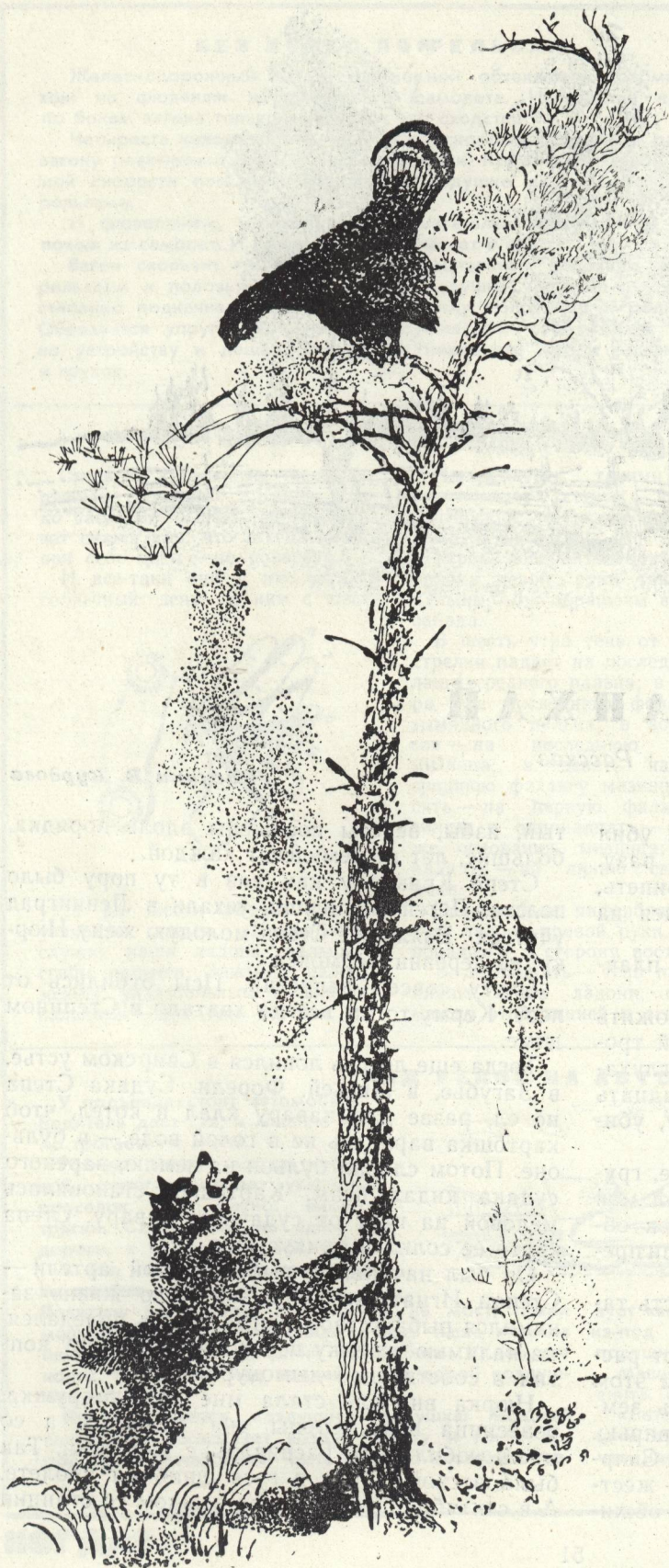
Степе Кряквину как раз в ту пору было полста. Детей он поднял, уехали в Ленинград учиться. Взял себе Степа молодую жену Нюрку, из деревни Сермокса.

Охоту совсем запустил. Псы отбились от лесу. Корму-то им всегда хватало в Степном доме.

Тогда еще лосось ловился в Свирском устье, в Загубье, в Лисьей. Форели. Судака Степа не ел, разве для навару клал в котел, чтоб картошка варилась не в голой воде — в бульоне. Потом сливал бульон на землю, вареного судака кидал псам. Картошка становилась медовой на цвет от судачьего навару. Степа круто ее солил и прикусывал лук.

Он был начальник рыболовецкой артели — Степан Игнатьевич Кряквин. Всю жизнь занимался рыбачеством, когда лосось приедался, на налимию печенку переходил, корюшку коптил в собственной дымокурне.

Нюрка вначале стала мне как подружка, ровесница ведь. Степы она дичилась, а со мной любила чай распивать, с пирогами. Так было весной, когда я гуся шиб на пролете. А в сентябре приехал, шел пешком со станции

Оять... Дошел наконец. Сел на Степино крылечко, думаю, пусть Нюрка выйдет ко мне. Она сунулась к окошку — еще не знала, кто, а как узнала, дверью прихлопнула и, слышу, ворчит: «Шляются тут оборванцы». Брючата я надел на охоту отменно худые.

Я было присмирел в оскорбленье, но сказал себе: подожди, парень, ничего, подожди!

Утром свистнул гончара Рекса, тот поглядел на меня медленно, сыто, здоровый, черно-рыжий кобель. Счел нужным пойти со мной на охоту. Все-таки у человека ружье.

Дворняга Шанхай прыгал, повизгивал, очень хотелось ему вместе с нами. Все пытался уши поставить стоя, правое еще подымалось, с левым было совсем дело плохо. Пришлось привязать пса веревкой к забору — не брать же дворнягу в лес.

Рекс потрусил рядом со мной, в лесу ткнулся носом в брусничник, чихнул, потряс башкой и взглянул: вижу ли я его усердие, в поиске. «Вперед, Рекс! — сказал я. — Искать!»

Рекс полакал воды в мочежине, задрал лапу на первую сосну леса и на вторую. Убежал подальше от меня, вроде как увлекся в доборе. Я уже было поверил, но вдруг чвякнуло что-то тут же, рядом совсем. Гляжу, посреди ольхового подростка крадется пес, а сам на меня смотрит. Переглянулись — он потупился, боком-боком, заспешил прочь с глаз.

Скоро опять появился и уже не отбивался от моих ног. Было видно, не хочется псу шастать по лесу в одиночку. «Ищи! — рывкнул я. — Вперед!»

На вересковой прогалине я выстрелил по тетерке. Не очень я рассчитывал попасть: далеко. Подумал: «Выстрел подействует на пса. На гончих это действует. Азарт охотничий проснется». Пальнул. Пес вздрогнул. Опять пошел от меня боком. Все припадал к земле, косился и хвост припрятал. Было видно: хочется припрятать всюю и страшно. До самой опушки так

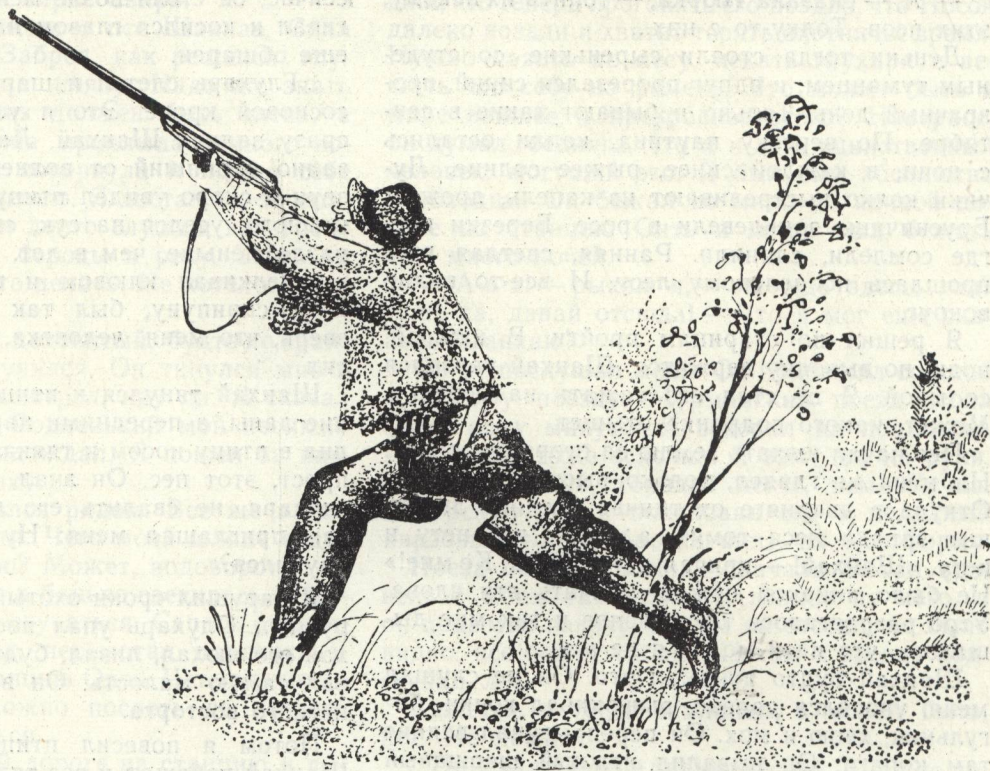
маялся. Чуть скрылся от меня, было слышно: галопом пес поскакал.

Степа сказал вечером:

— Так-то он ничего, ну какая мне теперь охота? С ними ведь заниматься нужно... А так... Это все напрасно. Ты с Жучкой попробуй.

Жучка не пошла со мной в лес. На меня она не смотрела вовсе, хольная чистобрюхая

Тогда я решил действовать иначе. Первым делом привязал Шанхая к забору. Глаза у него были преданные — как это говорится? Собачьи. Он кидался ко мне, веревка держала пса, передние лапы отрывались от земли. Пес сучил лапами, вытягивал шею и тявкал. Он хотел со мной в лес. Но мне было плевать на этого пса. Мне нужно было охотничать с лайкой. Пора мне было поохотничать всерьез.

лаечка. Потянулась, крылечко шерсткой помела. Глаза зеленые, и ушки сторожко стоят. Себе на уме собачка.

Я ей совал в нос кусок пирога с форелью, сам пятился спиной к лесу. Жучка не шла и за пирогом. Я свистел, хлопал себя руками по худым штанинам, чмокал. Жучка все поворачивалась ко мне хвостом. Хорош был хвостик, тугая огнистая дужка.

«Ладно, — подумал я, — сейчас выстрелю — инстинкт проснется. Все же это не Рекс. Лайки все прирожденные охотники». Отошел на задворки, стрельнул в поле. Нюрка мелькнула в окошке: «Ты что, по курям? Большой, а ума, что у корюшки».

Жучка не оглянулась на выстрел — кота наблюдала, как он идет по двору, хвост стоймя, самый кончик вихляется в такт шагу. Поохотничьи за котом следила, весь инстинкт, видно, на это потратила.

Я подхватил Жучку на руки и пошел с ней в лес.

Она была тяжелая собака. Я думал: ничего. Ничего. Сейчас мы дойдем. Я ее пушу. Она почует птицу и начнет работать. Чутье не могло потеряться. Азарт и все такое. Сейчас она все поймет.

Сначала я шел по тропинке. Свернул на длинное болото. Тут я вспотел: в собаке верных полпуда, а идти вязко. Да еще ружье.

За болотом началась ольховая заросль, березняк, ивовый прут все оплел, черемушник тут же — ух! Густо! Как я там лез со своей собакой? Прижал ее к ватнику, скомкал всю, будто она не живая собака, а скажем, лису я добыл и ташу, поспешаю похвастать. Иначе было нельзя.

Собака визжала, рвалась, хвост ее лаечный распрямился. Но я удержал. До настоящего лесу не доберешься иначе как через чашобу.

Я пустил Жучку, едва завидел первые сосны бора. Она не посмотрела на меня, завила хвостик в колечко и побежала домой.

Вечером Нюрка сказала мне:

— Пойдем завтра в бруснику. А то с охотой твоей больше сапогов стопчешь.

— Хватит чепухой заниматься, — сказал я Нюрке, — завтра пойду за утками. Псы у вас зажрались. Их бы в хорошие руки.

— А, — сказала Нюрка, — топить их некому, этих псов. Толку-то с них...

Деньки тогда стояли сыренькие, со студеным туманцем, и вдруг прорезался синий, прозрачный день. Только и бывают такие в сентябре. По вереску паутина, капли остались с ночи, в каждой синее, рыжее солнце. Лучики колко выстреливают из капель, дрожат. Брусничины заиндевели в росе. Березки кое-где сомлели, слиняли. Ранняя, светлая ржа прошла по зеленому лесу. И все-то видно вокруг.

Я решил по старикам пройти. В каждой, поди, по выводку держится. Шанхай увязался со мной. Я не стал его сажать на веревку. Может, какого подранка отыщет.

Пес начал нюхать землю за огородом сразу. На меня не глядел, только рыскал и нюхал. Откуда в дворяге охотничье рвение? Звериные запахи леса томят, а охоты все нету и нету. «Шанхай! — кричал я: — Назад! Ко мне!» Не было никакой нужды кричать эти слова. Утро разрасталось такое ясное и так мне дышалось, что идти молча я не мог.

Шанхай будто понимал это. Он не слушал меня, уносился далеко, вынюхивал кочки, багульник, хвою и мох. Он перепрыгивал всякие там коряги. Он вывалил нежный шершавый язык. Шкура будто вся обтянулась на ребрах. Он был неистов, Шанхай. Выбегал ко мне, взглядывал быстро и виновато, будто хотел заверить меня: сейчас, сейчас разыщу, поверь мне, сейчас... И опять уносился.

Я забыл обо всяких там подранках. Я был молодой охотник. Ни разу еще не было у меня своей собаки. Я, конечно, слышал, как вязко ходит за зайцем гончар, как спаниэль выловит подбитого саука в ноябрьской воде и в руки подаст. Но никто мне не рассказал ни разу, как стала ему собака добрым приятелем, ухом и глазом в лесу. Может быть, не случалось такого с моими знакомцами на охоте, а может, об этом не рассказать.

Я прежде ходил один с ружьем, видел только самые ближние елки. Весь бывал настроженный, все казалось, вот сейчас, именно в этих елках, объявится заяц или глухарь или какой-нибудь заваливающий рябец. Кроме ближних елок, для меня ничего и не было в лесу.

Лес раскрывался скупно, по дереву, по полянке, по просечке.

А теперь мне было просторно. Я не осторожно начал с елками. Их все обшарил Шанхай. В них не было зайцев и рябчиков. Я видел высокое сентябрьское небо и сосны в солнечной пыли. Сел на валежину, и Шанхай, прибежав, ткнул мне в колени. Я сказал ему: «Ну что, брат?» Он дернул головой, дескать, сейчас; он стоял возле меня, а сам все вздрагивал и косился глазом на лес: не весь, ведь, еще обшарен.

...Глухарь слетел и шархнул крыльями по сосновой кроне. Это я услышал вначале. И сразу залаял Шанхай. Лай был редкий, внезапно охрипший от волнения. Я побежал на звук и скоро увидел птицу. Глухарь пролетел немного, уселся на сук, сидящий казался гораздо меньше, чем в лет. Он крутил головой, прищелкивал клювом и глядел на Шанхая. Ему, скрипуну, был так интересен лающий зверь, что меня, человека, он совсем не заметил.

Шанхай тянулся к птице, он встал на задние лапы, а передними царапал сосну. Он целил в птицу носом и тьякал. Но не так он был прост, этот пес. Он знал, что ему не достать глухаря, не свалить его лаем. Он тьякал, а сам приглашал меня: Ну же! Где он этому научился?

Я нарушил сроки охоты. Не мог я их не нарушить. Глухарь упал после выстрела. Шанхай его нюхал, лизал, будто ласкал, прикусывал самую малость. Он весь дрожал от трепетного восторга.

Потом я повесил птицу себе на ремень, Шанхай побежал и все тянулся к птице. Вдруг отставал, стоял недвижимый, словно что-то нужно ему сообразить. Задумчивым стал пес. Казалось, не может еще понять, что с ним случилось, какое счастье обрушилось на него и как теперь жить дальше. Иногда он прыгал, тихо повизгивал. Опять затихал. Пускался в поиск, но скоро возвращался обратно к птице.

Так мы ходили до ночи. По полянам родился туман. Сова кружили низко и шелестели. Опушки, болота, частички, низинки, тропинки и бочаги стали похожи. Я заблудился, конечно. Затосковал. В ночь уходил мой поезд. До станции Оять еще четырнадцать километров от Степы. Мозгло стало и неприятно.

Пес убежал, конечно. Дворяга и есть дворяга. Так я подумал тогда о Шанхае.

Сам тоже все надавал и не заметил, что бегу. Жутко мне стало в лесу. Весь он будто против меня, лес, живой, зыбится, дышит. Тьма жидкая вверху, а внизу густая, клочьями,

клубами, кучами. Расселась повсюду. Плохо. И пес убежал.

Мне-то куда бежать? Все равно стало. Только идти нельзя. Это лучше — бежать.

Вдруг — большая вода. Ага! Ух! Теперь-то не пропаду. Свирь. Нужно идти вниз по течению. Утром я шел вверх. А где верх? Где низ? Только видно, что небо светлее воды, и вода возле неба чуть блестит. А может, это не Свирь? Как так не Свирь? Свирь.

Я давно уже позабыл о псе Шанхае. Снял велюровую шляпу. Забрел, как решился, глупо в воду и пустил шляпу. Надо же знать течение. Конечно, низ должен быть слева, а справа — верх. Шляпа проплыла немного поперек Свири, потом повернула и пошла себе вправо, вверх по течению. Я достал ее, зачерпнул водицы, испил и долго слушал, как громко валяются капли с бороды в реку. Теперь я уж вовсе не знал, что делать. Не хотелось мне идти вправо.

Шанхай появился деловитый, будто по крайней надобности отлучился. Он ткнулся мне в ноги, отбежал и посмотрел, иду ли. Я сказал ему: «Шанхаюшка! Родненький мой песик...» Он еще отбежал, подождал. Я пошел за ним смело и запел песенку.

Степин дом оказался рядом. Все же влево мне нужно было идти. Чего моей шляпе вздумалось плыть вправо? Может, водоворот?

Дом был заперт, а в банке светилось окошко. Я не стал в него стучаться. Сапоги стянул, пальцами пошевелил, перемотал портянки и быстро пошел на станцию Оять. Четырнадцать километров. Еще можно успеть до поезда. Если очень торопиться.

Я шел по песчаной дороге на станцию и думал о том, как приеду опять на Носок. О Степе и Нюрке я не вспоминал. Я думал только о Шанхае. Он должен ведь и зайца гонять. «Я приеду, и мы с ним пойдем... За Шоткусу слазаем... На Кандошское озерко...» Ах, как хорошо было думать о псе Шанхае. «Шанхаюшка; — думал я, — собачка...»

И вдруг понял, что он не остался у Степы, бежит со мной вместе. Тайком бежит. Все по-

нимают. «Пошел! — крикнул я. — Я т-тебе д-дам!»

Пес поотстал.

Я пошел быстрее и шептал: «Собака! Ах ты, моя собака! Ну, подожди, подожди. Я же приеду». На всякий случай рычал в темноту: «А ну вер-р-нись! У-у-у!»

Полдороги Шанхай тайлся, а потом догнал меня и побежал открыто рядом. Наверно, решил, что теперь прогонять его поздно, что Носок далеко позади и хватит терять охотничье время. Нужно лазать по лесу, искать глухаря и вешать его себе на ремень. Что может быть в мире важнее и прекраснее этого? Наверное, он думал, бедняга, что я и есть единственный человек, могущий это. Я был ему абсолютно необходим. Он бежал со мной по ночной дороге на станцию Оять и готов был бежать еще много ночей.

— А-а-а! — рычал я, — ты еще здесь, гад? А ну-ка, давай отсюда! — Что я мог еще сказать Шанхаю?

Он не послушал меня. Он прибежал со мной к самому поезду. Мурманский поезд стоял здесь одну минуту. Я вскочил на подножку. И Шанхай тоже вскочил. Я взял его на руки. Он был тощий, гораздо легче, чем Жучка. Я стиснул пса и поцеловал его в холодный кирзовый нос. И бросил вниз, на платформу.

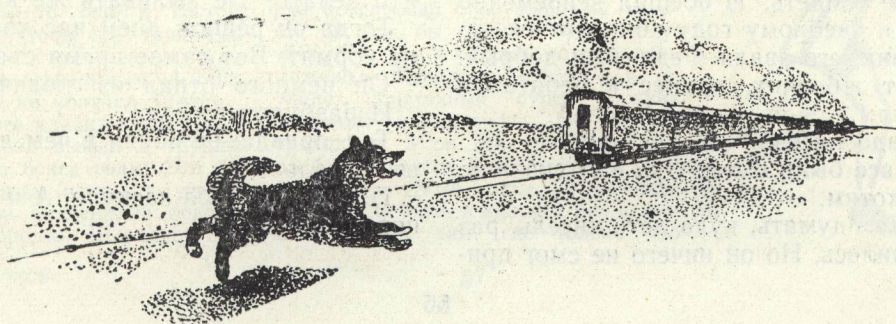
Поезд пошел. Шанхай сначала бежал вровень с моим тамбуром. Я глядел на него, и он подымал голову. Потом он отстал, но было видно, все бежит собака. Потом к поезду подступил лес.

Кажется, я тогда заплакал, а может быть, нет. Не помню.

...Приехал к Степе только весной. Шел по дороге к Носку и все улыбался: узнает Шанхай?

— Как Шанхай? — Это первое, что я спросил у Нюрки.

— Застрелили его, — сказала Нюрка. — На свадьбе вон у Полины Радыничевой гуляли и застрелили. Жалко, конечно, все же как свой был. Хорошо хоть его, а не Рекса, не Жучку. Они хотя породистые, а этот — что? Так только, один вид, что собака...

КИСЕЛЬ

Рассказ

Виктор Голыкин

Рисунок автора

Одному пионеру в пионерский лагерь мама привезла кисель. Она привезла его в маленьком жбанчике.

Надо сказать, она зря привезла. Там прекрасно кормили. Четыре раза. И в общем, кисель был совсем ни к чему.

Но раз она привезла его, сын взял кисель, чтобы мать не обидеть. И обещал непременно съесть. Чтоб к учебному году поправиться.

Этот мальчик, его звали Федя, был добрый. Он взял этот жбанчик, принес к ребятам и прямо спросил:

— Кому надо кисель?

Но ребята все были сыты. Они ему сказали:

— Мы не хотим.

Тогда он стал думать, куда деть кисель, раз уж так получилось. Но он ничего не смог при-

думать. Поставил жбанчик на тумбочку. А сам пошел прогуляться.

Он гулял, бегал, поужинал. А вечером он пошел спать.

Перед сном подумал о жбанчике. Но ненадолго. Он скоро уснул.

Ночью проснулся — опять видит жбанчик. Что делать? Не выливать же кисель?

Тогда он решил: днем нас кормят. А ночью не кормят. Вот самое время съесть кисель.

Он немного отпил из жбанчика.

И разбудил соседа.

Тот, правда, не понял в чем дело. Но выпил все остальное.

После этого оба заснули. А к учебному году поправились.

Искусство младшего брата

И. Виламов

Рисунки Г. Праксейна

Сказка

У братьев Гримм есть забавная сказка про старика, у которого было три сына. Старик долго думал, кому из сыновей оставить после своей смерти дом и все прочее и, наконец, решил отправить их побродить по белу свету. Сыновья должны были научиться какому-нибудь ремеслу, и тот из них, который окажется самым искусным в своем деле, получал дом и так далее.

И вот через некоторое время сыновья вернулись из странствий и начали показывать свое искусство. Старший сын на глазах у отца сшил невиданные по красоте и прочности туфли. Средний в один миг приготовил такой суп, что весь городок сбежался на запах. И только один младший никакого умения не показал, а все улыбался и помахивал длинной шпагой, которую он привез из дальних стран. Отец уже прикидывал, кому из двух старших братьев оставить наследство, как вдруг хлынул дождь. И тогда младший брат вытащил из ножен свою шпагу. Он принялся вращать и размахивать ею с такой ловкостью, что на всех четверых не упала ни одна капля дождя. И отец справедливо решил, что младший-то и достиг самого высокого искусства в своем деле...

Каждый раз, когда мне случалось видеть на ринге Владимира Енгибаряна, я вспоминал эту сказку, потому что, если есть в боксе настоящее искусство, то оно и состоит именно в том, чтобы под градом самых тяжелых и стремительных ударов оставаться невредимым. А Енгибарян никогда не получал ударов.

Это тем более удивительно, что на большой ринг он вышел в трудные для советского бокса годы. Это было время, когда один за другим ринг оставляли знаменитые боксеры прошлого — Королев, Щербаков, Огу-

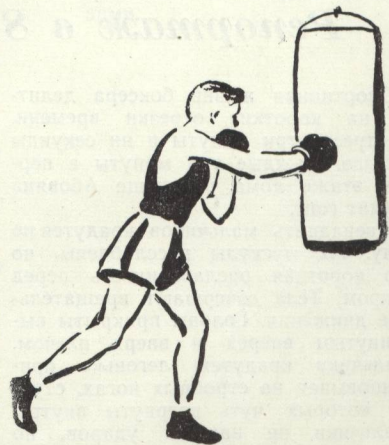
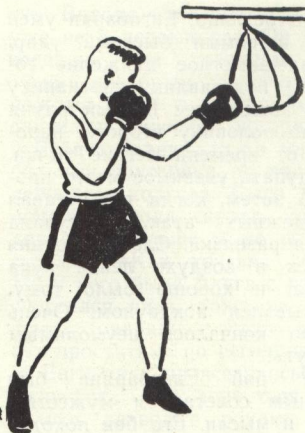
ренков. На смену им приходили те, кто долгое время оставался в тени — те, кто блестящей технике мастеров мог противопоставить только крепкие мышцы и тяжелый удар. Понятно, что при встрече с настоящим чемпионом такие боксеры выглядели жалко, но вот чемпионы состарились, а чемпионы будущего только начинали прыгать через скакалку, и «кулачники» заняли опустевшие места.

Это был давний спор — что главное в боксе: техника или сила, — и вели его так или иначе боксеры всех стран мира. Но на советском ринге сторонники силы никогда не одерживали таких решительных побед, как в те годы.

Очень трудно приходилось молодежи, которая не хотела превращать бокс в драку под градом увесистых тумачков, сыпавшихся со всех сторон. И многие из самых молодых сдавались и, забыв все тонкости замечательной игры, бредили только «хорошо поставленным», как говорят боксеры, ударом.

Вот именно тогда и появился на рингах страны худощавый легковес из Еревана. Он был очень молод, и он совсем не боялся ударов. Но не боялся не потому, что умел легко их переносить. Он обладал редким умением избегать их.

Тот, кто видел Енгибаряна на ринге, никогда не позабудет его легкой, чуть расслабленной фигуры. Енгибарян боксировал с опущенными руками. Он как бы говорил противнику: «На, бей, вот я открыт, попади, если можешь». Казалось, минута — и он упадет, сметенный бурей тяжких «прямых» и «крюков». Но минута проходила, а он все пританцовывал на белом холсте ринга, опустив свои тонкие, смуглые руки. Противник кидался на него, и каждый раз встречал пустоту там, где только что

было открытое лицо. Енгибарян умел опередить и самый быстрый удар, делая едва заметное движение головой или подставляя противнику плечо. Он защищался первый раунд и примерно половину второго, нанося время от времени легкие тычки, чтобы нащупать уязвимое место противника. А затем, когда тот уставал от безнадежных атак, наступала мгновенная развязка. Словно молния пронеслась в воздухе левая рука Енгибаряна, и хорошо было тому, кто отделялся нокдауном. Очень часто дело кончалось неумолимым словом «аут»!

Каждый бой Енгибаряна был удивительным сочетанием мужества, изящества и мысли. Его бои походи-

ли на шахматные партии, с такой неумолимой логикой он заставлял противника капитулировать, и боев этих ждали, как больших праздников.

Поэтому мне было очень грустно лететь в Ереван, чтобы встретиться с ним после того, как он внезапно оставил ринг. О его уходе говорили разное. Рассказывали, что он получил тяжелую травму спины на тренировке. И еще было много всяких слухов. Это был и в самом деле странный уход — в расцвете сил, на вершине славы.

Я глядел на проплывавшие внизу коричневые и белые хребты Кавказа и вспоминал, как выходил он на ринг — улыбающийся, спокойный, ни-

чуть не похожий на боксера со своими нежными руками и тонкими чертами лица без единого следа ударов. Я думал о том, что вот время уходит, и никогда уже не повторятся чудеса, которые являл нам Енго, как называли его друзья и болельщики, что будут новые звезды, им будут отчаянно хлопать и кричать, но того, что делал Енгибарян, не будет уже никогда, и те, кто сейчас впервые надевают перчатки, не узнают, как умел он не получать ударов и как умел он их наносить.

Вот так я и размышлял, пока не отыскал в Ереване невеселый серый дом, где встретил меня не кто иной, как сам Енго, и где я узнал, что ошибся в своих предположениях...

Тайна его ухода

Три года назад в ереванских газетах появилось объявление. Вот его текст:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Школа юных боксеров под руководством заслуженного мастера спорта В. Енгибаряна объявляет прием учащихся. В школу принимаются дети 11—15-летнего возраста.

Прием заявлений ежедневно с 10 до 12 часов.

Итак, каждого, кто хочет стать сильным, ловким и смелым, ждут на улице Абовяна, 35.

ДИРЕКЦИЯ ШКОЛЫ

У объявления была, как вы догадываетесь, своя история. Вот она.

В одном московском зале для бокса Енгибарян увидел юношу, кото-

рый старательно копировал его манеру боя. Но юноша не обладал ни реакцией, ни опытом, ни трудолюбием Енгибаряна. Поэтому он и получал гораздо больше ударов, чем его сверстники, предпочитавшие традиционную закрытую стойку. Енгибарян сделал юноше несколько замечаний, и это услышал тренер юноши. И тренер сказал Енгибаряну следующие слова: «Слушай, Володя, не порть парня. И так слишком многие ребята сейчас стараются подражать тебе, не понимая, что для этого нужно обладать совершенно особыми качествами. А они этого не понимают и поэтому только вредят себе. Ведь ты, откровенно говоря, явление в нашем боксе необыкновенное...»

Всю дорогу домой Енгибарян думал над словами тренера. Он вспо-

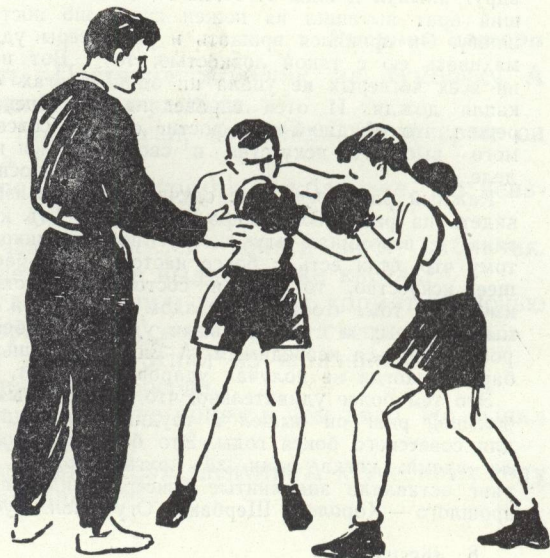
минал свою спортивную жизнь и никак не мог понять, что же в нем такого необыкновенного. Реакция на удар? Но ведь ее можно выработать. Да и вообще, разве знал этот тренер, каким огромным трудом далось ему его искусство? Разве знал он, что в свое время Енгибарян был самым слабым и малоподвижным в той группе боксеров, в которой он начинал свой путь? Что приходилось ему тренироваться вдвое и втрое больше своих товарищей? И когда самолет приземлился на ереванской земле, он пришел к твердому решению доказать, что это не так. И через несколько дней в газете появилось объявление, а друзья Енго с удивлением узнали, что он бросил бокс, всецело перейдя на тренерскую работу.

Репортаж в 8 раундах

Спортивная жизнь боксера делится на короткие отрезки времени. В отрезке три минуты и ни секунды больше. Каждые три минуты в первом этаже дома на улице Абовяна звучит гонг.

Двенадцать мальчиков крадутся по залу. Их мускулы расслаблены, но это короткая расслабленность перед ударом. Тела совершают вращательные движения. Головы прикрыты выдвинутым вперед и вверх плечом. Мальчики крадутся, легонько пританцовывая на стройных ногах, ступни которых чуть ввернуты внутрь. Мальчики не наносят ударов, но каждое их движение — скрытый удар.

Это не жалкий, со всхлипом, удар уличного драчуна — о нет! Это целенаправленное движение сжатого кулака, движение, которое начинается пяткой правой ноги и затем, как разряд в электрической цепи, проносится по выпуклым линиям торса, по сухим мышцам рук, чтобы потом, уже на ринге, как в землю, разрядиться в противоположно заряженное тело соперника...

Гонг.

В зале берутся за скакалки. А в комнате врача трое пацанов сидят с тетрадками. Сейчас их тренер — Сетрак Григорян. Сетрак — отличник, и ребята младшей группы решили, что он будет заниматься с отстающими. Увы, в отношении двоек в школе железный закон — тот, кто не успевает, не может переступить порог школы, пока не исправит свои грехи. До начала занятий младшей группы еще полчаса, и Сетрак втолковывает двум своим товарищам условия задачи...

Звучит гонг.

Два малыша поднимаются на ринг. Им по двенадцати лет. Уже не впервые они ступают на туго натянутый холст, небрежно раздвигая канаты, но каждый раз их тренер Рафик Мегралян не может сдержать улыбки.

— Вот, — говорит Рафик, представляя боксеров зрителям. — В красном углу Рокки Марчиано. В синем — Флойд Паттерсон.

Но бьет гонг, и лицо Рафика становится серьезным. В движениях ребят уже угадывается та легкость и свобода, которые присущи только достаточно опытным боксерам. А как они избегают ударов! Как ловко и умно маневрируют, не сбиваясь на драку...

Гонг.

Старшая группа отдыхает перед спаррингами. Их двенадцать человек. Двенадцать почти готовых боксеров. У некоторых уже солидные боевые списки. Двенадцать историй расска-

жут мне потом директор школы Енго и завуч Рафазль Гайкович Антонян. Разных историй, грустных и веселых.

Историю Джаника Мкртчяна, например. Два года назад пришел Джаник в школу. Пришел и честно сказал: «Я терпеть не могу бокс. Но мне нужно научиться искусно драться. Научусь и уйду». У него были причины для такого желания. Он должен был уйти из скверной компании, в которую попал. И он ушел — из компании, конечно. Но летом, в спортивном лагере на озере Севан, Джаник нарушил одну из главных заповедей школы — нигде, кроме ринга, никогда, кроме самых особых случаев, не бить товарища. Джаник ударил товарища в лагере. Ударил подло — ногой. Совет лагеря вынес единогласное решение — отчислить его из школы. «Подумаешь, — сказал Джаник, — больно нужен ваш бокс». И уехал в город. Что делал он в течение всего лета, пока остальные жили в лагере, не знал никто, но в драках, во всяком случае, не попадался. А первого сентября Джаник пришел в школу. «Я не могу без бокса, — сказал он, — не могу без школы. Клянусь, что это никогда не повторится». Он сдержал свое слово. А совсем недавно он выступал за сборную школы против боксеров Кутаиса и выиграл бой.

Бьет гонг.

Первая пара из старшей группы поднимается на ринг. В дверях показывается стройный парнишка лет пятнадцати. Он знаками вызывает Енгибаряна из комнаты. Парня зо-

вут Володя Лагунов. Он приходит уже не в первый раз. Он ведь тоже когда-то был учеником школы, и очень способным учеником. Но однажды, тоже в лагере, с Володей случилась скверная история.

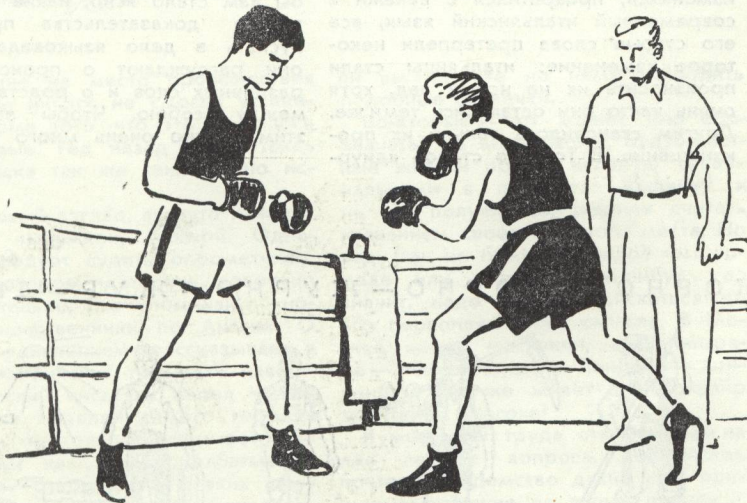
Ребята поднимали на гору автомобильные покрышки по просьбе близлежащего колхоза. Было нестерпимо жарко. Володя сказал, пройдя полдороги: «Дальше я не пойду». Ему сказали: «Как хочешь, дело твое». Но у него была фляга с водой. И он спустился вниз, даже не предложив флягу товарищам. Этого ему не могут простить и по сегодняшний день. И Енгибарян на все просьбы Володи разрешить ему вернуться в школу только разводит руками. А совет старшей группы на этот раз безжалостен: «В школе не будет эгоистов».

Звучит гонг.

Два боксера стремительно идут на сближение. Но что такое? Почему так нестерпимо знакома мне правосторонняя стойка одного из них? Где я видел эти опущенные руки и этот легкий танец по рингу? Мальчика зовут Дереник Восканян. Я вижу, как подмигивает мне Енгибарян. Ребята напоминают шахматистов — так свободно и легко разыгрывают они дебют своей партии. Так неторопливо выбирают они начало, как бы по ходу дела перебирая весь арсенал известных в боксе защит и ударов. Таким спокойным, умным блеском блестят их настроженные глаза.

— Это ты, — говорю я шепотом Енгибаряну. — Это ты против себя самого. Два Енгибаряна. Как ты добился этого?

Он не отвечает. Он только улыбается открытой счастливой улыбкой. Здесь начинается новая его тайна, тайна другого искусства, искусства тренера. Искусства, во много раз более сложного, чем искусство защиты. А тайну истинного искусства не объяснить словами.

ПОХОЖЕ ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ

Лев Успенский

Рисунки Р. Попова

«СЛОВО О СЛОВАХ», «ТЫ И ТВОЕ ИМЯ» — эти книжки Льва Васильевича Успенского вы все, конечно, читали.

«Украденное имя» и «Похоже до неузнаваемости» — главы из новой книги писателя.

Если вам говорят, что наше русское слово «дом» и древнеримское «домус» состоят в родстве между собою, вы можете этому поверить: пожалуй, других доказательств не нужно. Это очевидно слова-родичи. Но слушайте дальше.

По-русски светлое время суток называется «день», а по-французски «жур». Так вот, я утверждаю, что оба эти слова точно такие же близкие родственники, как «дом» с «домусом». Уверен, что вы пренебрежительно усмехнетесь: нашел проstackов! Что общего: д-е-н-ь! Ж-у-р!

А вот, извольте проследить за моими рассуждениями.

Язык древнего Рима — латынь очень тесно связана с современными нам романскими (т. е. «римскими») языками — с итальянским и французским в том числе. Грубо говоря — они ее потомки.

Про русский язык такого не скажешь. Русский язык никак не прямой потомок латинского, и все же можно сказать, что латынь приходится ему двоюродной или троюродной бабкой: у латыни и у древнеславянского языка, от которого пошел наш русский, были общие пред-

ки. Древне-славянский язык и латынь были, так сказать, двоюродными братьями, не родными.

Отметив это, пойдем дальше.

В латинском (римском) языке понятие «день» означалось словом «диес». Трудно не заметить сходства между этими двумя словами. Они так же близки между собою, как русское «ночь» и латинское «нокс», или как латинское «ту» и русское «ты». Я думаю, в этом мы можем согласиться.

От существительного «диес» римляне образовали прилагательное «диурнус», «дневной» (так же, как от «нокс» — «ноктурнус» — ночной. Может быть, вам приходилось слышать музыкальные пьесы, именуемые «ноктюрнами»: слово «ноктюрн» — французская форма римского «ноктурнус»).

Когда латинский язык древности, изменяясь, превратился с веками в современный итальянский язык, все его старые слова претерпели некоторое изменение: итальянцы стали произносить их на новый лад, хотя очень часто они оставались теми же. Другим становилось только их произношение. В Тоскане старое «диур-

нус» зазвучало теперь, как «джорно», в Венеции — как «гиорно»... А в родственной, но более далекой Франции то же самое слово претерпело более существенное изменение: там оно стало звучать как «журнэ» и, наконец, как «жур».

Видите, что получилось.

Возьмите ряд слов, состоящий из пяти пар:

День — диес, диес — диурнус, диурнус — джорно, джорно — журнэ, журнэ — жур.

Между двумя соседними словами разница совсем небольшая, а вот крайние члены ряда, «день» и «жур», кажутся нам, как говаривал один остряк про плохо снятые фотографии-портреты, «похожими до неузнаваемости». Тем не менее, между ними — самая прямая и непосредственная родственная связь.

Я рассказал вам тут об этом, чтобы вам стало ясно, какие точные и тонкие доказательства приходится пускать в дело языковедам, когда они рассуждают о происхождении различных слов и о родстве языков между собою. Чтобы заниматься этим, нужно очень много знать.

ДИЕС — ДИУРНУС — ДЖОРНО — ГИОРНО — ЖУРНЭ — ЖУР — ДЕНЬ

УКРАДЕННОЕ ИМЯ

На юге Англии лежит небольшая область Уэльс. Ее население говорит не на английском, а на особом, валлийском, языке, родственном языку древних галлов, заселявших некогда всю современную Францию. Города и местечки Уэльса тоже носят не английские, а уэльские или валлийские названия.

Год назад тут произошло довольно странное событие: неизвестные злоумышленники в темную субботнюю ночь похитили и увезли неведомо куда «имя» одного такого небольшого уэльского городка. Точнее сказать, украли огромную пятиметровую вывеску, красовавшуюся на здании местного вокзала.

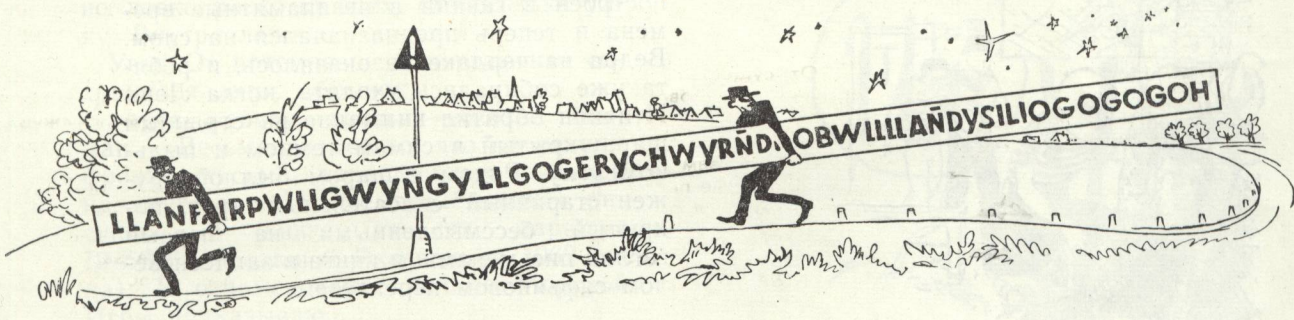
Сувениры идут нарасхват, и удивляться не приходится. Потому что городок этот называется так:

LLANFAIRPWLLGWYNGYLLGOGE
RYCHWYRNDROBNLLLLANDYSILI
OGOGOGOH

Я не прошу «прочсть» столь звучное название — это дело невыполнимое. А вот подсчитать число букв в него входящих можете — их ровно 57. Сразу возникают вопросы. Как же обращаются с таким именем люди? Допустим, придет вам в голову написать письмо ребятам, живущим в этом городке, чтобы узнать, правда ли эта история. Но ведь никакого же конверта не хватит, ес-

теперь надо писать коротко: «Англия, Северный Уэльс, р. о. Ллан-Файр» и только. Дознались и до смысла: имя это, по словам французской газеты «Юманите» значит примерно вот что: Церковь Марии — девы в глубине белой долины, возле быстро источника и церкви святого Тсифо.

Что же до последнего вопроса, то я представления не имею, как поступают со своим прославленным именем жители Уэльса в их дружеских разговорах. Может быть, как и тамошние почтари, они говорят: «Пойдем-ка сегодня в Ллан!» или: «Да он лланфайрец родом...» А может быть — просто машут в со-

Прибывшие на место происшествия детективы ничего не смогли установить, кроме того, год назад точно такая же вывеска так же таинственно исчезла.

На первый взгляд, все это кажется нелепой выдумкой, сказкой. Однако не следует судить опрометчиво: имя, о котором идет речь, довольно примечательно. Его упоминают многие путешественники по Англии. О нем с удивлением рассказывает в своих «Английских письмах» известный чешский писатель Карел Чапек. Да и для жителей самого городка имя это настоящий клад: вот уже много лет как они прирабатывают продажей открыток и всяких других сувениров, примечательных только одним: на них напечатано это же самое имя.

ли вы начнете по нему разводить подобные словечки.

Во-вторых — что может оно обозначать? На вид похоже, будто местные жители просто вслепую тыкали пальцами в пишущую машинку и то что получилось, решили считать названием своего родного места. Но ведь так не бывает: каждое имя города или деревни что-нибудь да значит, надо только доискаться до его первоначального смысла. В Москве живут москвичи, в Ленинграде — ленинградцы, в Лондоне — лондонцы. Кто же живет в Лланфайр пвллгвин... огогохе?

Я могу без труда ответить вам на два первые вопроса. Английское почтовое ведомство давно уже пришло в отчаяние по этому поводу и заменило прославленное имя сокращением — обрубком: на конвертах

ответственных местах рукой. Возможно и другое: в кельтских языках многие слова пишутся длинно, а читаются проще простого. Так в соседней с Уэльсом Ирландии есть словечко, которое произносится «ка-хю», а пишется так: «катхутхатх». Может быть и тут так?

Последнее замечание: по словам той же «Юманите» вы можете не беспокоиться. Прошло несколько дней, и похищенное сокровище — вокзальная вывеска — была найдена полицией на футбольной площадке Ридингской средней школы в 300 километрах от «Ллан-Файр». Кто ее туда затащил и зачем — неизвестно. Может быть, просто кто-нибудь из школьников боялся провалиться по географии и задумал добыть таким образом самую лучшую шпаргалку?

Находка

Яхта «Костёр» покачивалась на невских волнах, готовая завтра же отправиться в Большую Экспедицию 1962 года, как вдруг по трапу на борт пробежала Даша, громко крича:

— Удивительная, поразительная находка!

Боцман Румпель, который в это время красил суриком днище ялика, от неожиданности мазнул кистью себе по усам.

— Что случилось?!

Вот что рассказала Даша...

В поисках старого ведра для камбуза члены экипажа забрались на чердак ветхого двухэтажного домика, который был построен в гавани в незапамятные времена и теперь предназначался на слом. Ведра на чердаке не оказалось, и ребята уже собирались уходить, когда Леня Птичкин обратил внимание на странный шар, укрытый в самом темном и пыльном углу. Рядом с шаром был обнаружен старинный спасательный круг, покрытый бессмысленными на первый взгляд письменами, и книга в заплесневелом сафьяновом переплете...

на гердаке

Рисунки Ю. Лобачева

И вот экипаж яхты в сборе, и Румпель, утерев усы, чтобы не закапать найденные предметы, берет в руки огромный шар.

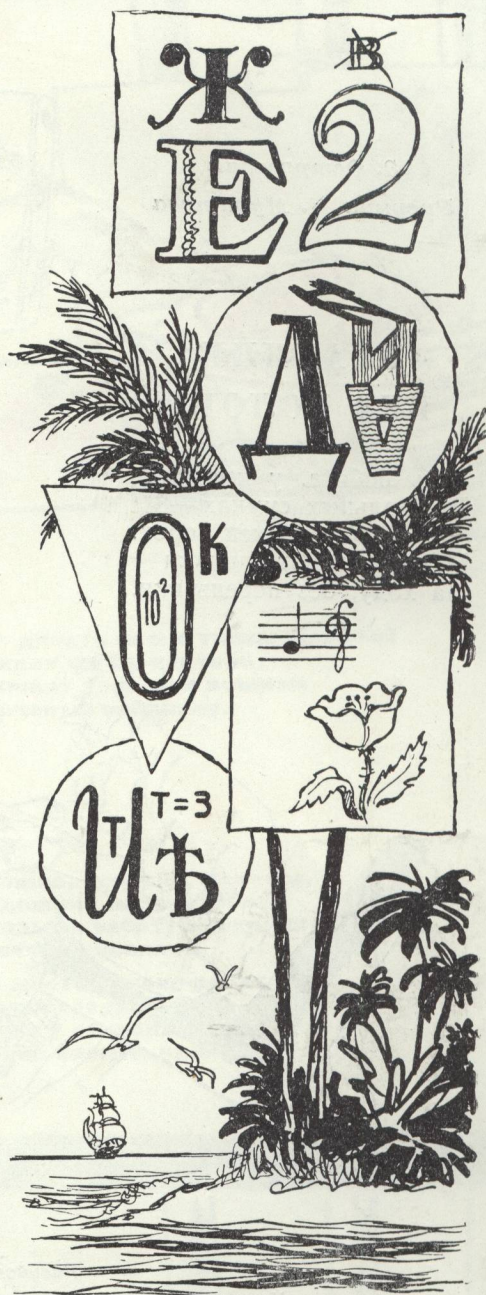
— Это орех, — воскликнул Румпель, — и за этот орех нам отдали бы целый корабль, если б мы жили триста лет назад! Это самый большой плод в мире, плод редкой пальмы с далеких островов. В старину такие орехи изредка находили плавающими в океане и наделяли свойствами чудесного талисмана... Но наш орех, кажется, с сюрпризом: что-то больно он легок.

С этими словами Румпель неожиданно ловко раскрыл орех, словно шкатулку. Внутри лежало... письмо!

Увы! От потемневшего пергамента сохранился лишь обрывок.

— За работу, друзья, — сказал боцман. — Весьма возможно, что от расшифровки письма, таинственных письмен на круге и не менее таинственных рисунков в книге зависит маршрут 19-БЭ-62 (Большой Экспедиции 1962 года). В ознаменование начала Морской Игры приказываю...

МОЕ Имя ДИТОН Томас. Дни мои
сочтены. Я потерял НАДЕЖДУ
ВОЗВРАЩАЮСЯ НА РОДИНУ
ИТОБЫ ЛЮДИ УЗНАЛИ ОБ УДИ-
ВИТЕЛЬНОМ ОТКРЫТИИ, КОТОРОЕ
Я СДЕЛАЮ ЮНГОЙ. ПОТОМ
ПЛАВАЛ НА ОТЛИЧНОМ СУДНЕ
"ЖЕМЧУЖИНА ПОРТСМУТА". ПОБЫВАЛ
НА ВСЕХ ОКЕАНАХ И
ОДНОГО НАС ЗАХВАТИЛИ ПИРАТЫ.
Я БЫЛ ПРЯЧУЩИМ В РАБСТВО, НО БЕ-
ЖАЛ С ПОМОЩЬЮ НАКОНЕЦ
НАМ УДАЛОСЬ ДОБРАТЬСЯ ДО НЕВЕ-
ДОМОГО МОРЯ. НЕП ТАКОГО МОРЯ,
ОТКУДА БЫ Я НЕ ДОВЕЛ КОРАБЛЬ ДО
МИЛОЙ РОДИНЫ.
ОЛОЖИЛ ВСЕ ДОКУМЕНТЫ,
КАСНОСЯЩИЕСЯ К ОТКРЫТИЮ В ШКАТУЛКУ

ПРИКАЗ № 1

Приказываю всем юнморам:

§ 1. Определить, сколько географических наименований можно прочесть на спасательном круге. Читать по часовой стрелке.

§ 2. Разгадать ребусы из старинной книги.

§ 3. Назвать пальму, о которой идет речь, и острова, где эта пальма растет.

§ 4. Прочесть старинное письмо.

§ 5. Рапорты не задерживать. Обратный адрес писать четко.

Боцман РУМПЕЛЬ

ЩЕНОК И ОКОРОК

Рисунки Ю. Мезерницкого

1.

Художник фрукты написал
И окорок копченый,
И всюду краски разбросал,
Работой увлеченный.

Так этот окорок хорош
И сочен на рисунке,
Что на него щенок Гаврош
Глядит, глотая слюнки.

2.

Художник вышел за порог
Приятеля проведать,
А предприимчивый щенок
Решает пообедать.

Что делать нам с таким щенком?
Глядит он на картинку
И лижет красным языком
Копченую свининку.

3.

Прошло, наверно, полчаса,
Художник возвратился,
Вновь за работу принялся
И очень удивился.

На месте яблоко-ранет,
И виноград, и дыня.
А вот у окорока нет
Куска посередине!

25 к.

Нагусе 10

